Андрей НЕПОМНЯЩИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КРЫМОВЕДЕНИЮ

По переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова

История исторической науки в целом и, в частности, развитие крымоведческих штудий не могут быть изучены с должной полнотой, опираясь лишь на печатные труды ученых или опубликованную научную хронику. Для раскрытия новых страниц истории науки в Крыму особенно много дает обращение к личным архивным фондам историков, где отложились заготовки для их неопубликованных трудов, дневниковые записи, эпистолярное наследие. Эти материалы все еще малоразработаны в связи с их разбросанностью по различным центральным, государственным и ведомственным архивам, фондам музеев, отделам рукописей научных библиотек.

Имя одного из крупнейших российских историков — академика АН СССР Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) — малоизвестно в истории крымоведения. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1882 г.), он довольно быстро, уже в 1899 г., стал профессором этого вуза. В течение многих лет в досоветский период Платонов выполнял обязанности декана историко-филологического факультета. Одновременно он являлся директором столичного Женского педагогического института, сотрудничал в Академии Генерального штаба и Военно-юридической академии, преподавал членам императорской фамилии.

В центре научного внимания С. Ф. Платонова находились события российской истории XVI–XVII вв. Он стал автором оригинальной концепции этих событий с постановкой острых, новых для историографии конца XIX — начала XX в. проблем, связанных с социально-экономической тематикой и социальной борьбой. Этой проблеме были посвящены как магистерская диссертация ученого — «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» (1888 г.), так и его главный труд — докторская диссертация — «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное вре-

мя» (1899 г.). «Князем науки» называл Платонова современник граф С. Д. Шереметев, видевший в нем первого после смерти В. О. Ключевского историка [1].

Основы «школы» Платонова были заложены в 90-х гг. XIX в. Возглавив кафедру русской истории столичного университета, ученый воспитал крепкую научную школу, получившую название «Петербургской школы русских историков», или «Школы Платонова». Ее отличительной особенностью были ярко выраженный объективизм и ориентация исследователей преимущественно на источниковедческие разыскания, изучение исторического материала [2]. Платонов являлся одним из наиболее читаемых русских историков. Этому способствовало издание гимназического учебника по русской истории, который в досоветское время выдержал десять тиражей (последний — в 1917 г.).

По воспоминаниям современников, внешний облик Платонова: выше среднего роста, плотный, подтянутый мужчина в безупречно сидящем на нем костюме, всегда «при галстуке» и ослепительно белом воротничке, короткая стрижка «ежиком», седая профессорская бородка, румянец на щеках, очки в позолоченной оправе — создавал устойчивое впечатление демократического аристократизма и внутреннего благородства. В общении с людьми Сергею Федоровичу была свойственна определенная ирония, которая чувствовалась во взгляде профессора, в каждом его жесте. Этим он внушал некоторую робость общавшимся с ним студентам [3].

Вот с каким человеком, волею судеб, пришлось проживать в гостинице в Вильно Арсению Ивановичу Маркевичу в 1893 г., когда он представлял Таврическую ученую архивную комиссию на IX Археологическом съезде.

Собиравшиеся во второй половине XIX — в начале XX века раз в три года по инициативе Московского археологического общества, эти научные форумы стали наиболее авторитетными съездами ученых-историков Российской империи. Они сыграли первостепенную роль в деле объединения усилий столичных ученых и местных краеведческих обществ для изучения различных регионов страны. Главной целью этих собраний было уничтожить равнодушие к древностям: возбудить участие краеведов к российской археологии; распространять археологические сведения; развивать провинциальные музеи и ученые центры. Основную задачу съездов достаточно четко определил товарищ министра народного просвещения при открытии I Археологического съезда в Москве 16.03.1863: «Собирая на некоторое время специалистов в одно место для обмена мыслей посредством живого съезда, для совокупного и разностороннего обсуждения результатов их работ, съезды, в некотором отношении, способствуют движению науки вперед. Как дело не прихоти, но живо сознаваемой учеными потребности поделиться друг с другом и с обществом запасами выработанных сведений, съезды служат, некоторым образом, мерилом известной суммы знаний в стране.

<…> Это шаг в деле народного самопознания и самоуважения» [4]. Хотя главное внимание на этих научных конгрессах уделялось изучению памятников материальной культуры, в соответствии с бытовавшим тогда расширенным пониманием содержания археологии немало времени участники съездов посвящали и другим аспектам исторической науки. В связи с существовавшей объективной необходимостью разработки теоретических и практических проблем памятникоохранения Археологические съезды далеко вышли за узкие рамки археологии и существенно способствовали развитию археографии, истории, музееведения, этнографии. Вильно (совр.: Вильнюс) не случайно был выбран для проведения такого представительного форума. Здесь работали университет, археологическая и археографическая комиссии, музей древностей. Это был крупный общественно-политический и культурный центр, где по решению Московского археологического общества было решено провести очередной научный форум российских историков, прежде всего — деятелей местных ученых архивных комиссий [5].

Виленское знакомство А. И. Маркевича и С. Ф. Платонова переросло с годами в крепкую научную и человеческую дружбу. Встреча в Вильно стала знаковой как для симферопольского историка, так и для столичного ученого. Консолидируя вокруг Таврической ученой архивной комиссии всех, кто хотя бы косвенно касался в своих исследованиях крымоведческих проблем, А. И. Маркевич привлек к работе в ТУАК–ТОИАиЭ и Сергея Федоровича Платонова (член Комиссии с 1902 г.). Не случайно, в связи с этим, что именно в крымских изданиях опубликован ряд малоизвестных трудов академика, связанных с нашим краем. В свою очередь, именно благодаря рекомендации и протекционизму Платонова Арсений Маркевич в 1927 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Результатом общения двух деятелей науки стала и обширная переписка. В архивном фонде Платонова, отложившемся в Санкт-Петербурге, сохранились три объемных дела — письма Маркевича к Платонову. Эти документы содержат ценнейшую информацию, связанную с биобиблиографией крымоведения и историей изучения полуострова. Выявленная и введенная нами в научный оборот в последние годы обширная переписка Маркевича с многочисленными библиографами, историками, филологами, организаторами науки, политическими деятелями позволяет восстановить многие неизвестные ранее страницы истории крымоведения [6]. Яркое подтверждение этому — бесценное собрание писем Маркевича к Платонову.

Спустя год провинциальный преподаватель решил обратиться к случайному соседу по гостинице. Поводом к первому письму послужило выдающееся событие в истории крымоведения — выход в свет универсального указателя литературы о Крыме «TAURICA», подготовленного Маркевичем. 2.06.1894 Арсений Иванович писал Платонову:

«Милостивый Государь Сергей Федорович! Простите, что, пользуясь нашим прошлогодним сожительством в Вильно, решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Сегодня выслана мною в редакцию "Журнала Министерства народного просвещения" составленная мною книга "Taurica: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще" для рассмотрения и помещения в список новых книг. Зная о выдающемся значении Вашем в редакции, покорнейше прошу обратить внимание на мою книгу, если она того заслуживает, и поручить кому-либо или попросить составить о ней рецензию. Как учитель, я счел должным послать свой труд на рассмотрение в журнал нашего Министерства. Вам лично высылаю также один экземпляр моего указателя» [7].

В письме речь идет об одном из наиболее авторитетных и популярных досоветских периодических изданий — «Журнале Министерства народного просвещения», который издавался с 1834 по 1917 г. в Санкт-Петербурге. Каждый номер состоял из «официальной» части, где печатались материалы министерства и «неофициальной», где помещались статьи о народном образовании, классической филологии, истории, рецензии, книжные обозрения. Безусловно, что помещение отзыва о «TAURICA» в престижном ведомственном издании было важно для начинающего краеведа-библиографа. И такой отзыв появился в июльской книжке журнала (1894 г.) в рубрике «Книжные новости». Там, в частности, отмечалось: «В настоящее время литература о Крыме достигла уже таких размеров, что каждому, изучающему этот край, необходимо ознакомиться с весьма большим количеством книг и статей на разных языках, разбросанных в разных, порой, редких изданиях». В этой связи появление «TAURICA» признавалось «существенно необходимым и вполне своевременным». Увы, но напечатанный в «Журнале Министерства народного просвещения» отзыв о труде Маркевича был критическим. Рецензент сразу указал на пропуск некоторых важнейших изданий (в частности, «Архив князя Воронцова») и посоветовал «не без пользы для дела» «несколько видоизменить» структуру справочника [8]. Предлагалось вместо двенадцати уже имевшихся разделов указателя сделать более мелкие деления: общие труды по истории Крыма; история Крыма с древнейших времен и до появления готов; греческие колонии и т. д. Среди наиболее значимых недостатков были заявлены отсутствие разделения всех документов на источники и литературу, отсутствие указания отдельных томов у продолжающихся изданий. (В ряде позиций Маркевич привел только названия продолжающихся изданий, видимо, считая, что все опубликованные там материалы будут полезны исследователям [9].) Вместе с тем, в заключении рецензент (уж не Платонов ли?) сделал вывод о том, что «почтенный труд г. Маркевича, в настоящем своем виде, несомненно, заслуживает благодарность всех, кто займется изучением Крыма» [10].

Восьмилетний перерыв в сохранившемся эпистолярном общении двух выдающихся ученых эпохи продолжает послание Маркевича, связанное с избранием Платонова членом ТУАК. Являясь с 31.10.1891 правителем дел Таврической ученой архивной комиссии, Маркевич прилагал много усилий для привлечения к сотрудничеству в этом научном содружестве всех ученых из академических центров, кто хоть как-то соприкасался с Крымом в своей научной деятельности [11]. Так, 1.10.1902 он писал в Санкт-Петербург:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Наконец-то осуществилось мое давнишнее желание видеть Вас в числе членов нашей Архивной Комиссии. Верьте, что единодушно избрали Вас в члены ее» [12].

С этого времени научные контакты Маркевича и Платонова приобрели регулярный характер. Арсений Иванович постоянно отправлял столичному профессору свои последние научные разработки. Так, одним из значительных исследований Маркевича явилась монография «Таврическая губерния во время Крымской войны: По архивным материалам». Работа была впервые опубликована в 1905 году в № 37 «Известий Таврической ученой архивной комиссии» и была приурочена к 50-летнему юбилею военных действий в Крыму, в т. ч. героической обороны Севастополя [13]. Именно в этом году в Севастополе была открыта Панорама, полотно которой написал Ф. А. Рубо. Прогрессивная общественность широко отмечала юбилей тех выдающихся событий. Естественно, что крымские архивисты не могли не откликнуться на эту годовщину. 30.12.1904 Маркевич сообщал Платонову:

«Посылаю Вам новый выпуск “Известий” нашей Архивной Комиссии. С моей работой, к которой прошу отнестись снисходительно. В течение двух лет я рассмотрел 1137 дела архива Канцелярии Таврического губернатора, касающиеся Крымской войны, и закончил обработку этого сырого материала, совершенно не использованного до сих пор, по моему мнению, довольного интересного <…> Буду глубоко признателен Вам, если укажете недостатки в моей работе» [14].

Сохранившиеся в личном архивном фонде Платонова письма Маркевича хронологически оторваны друг от друга, порой, на несколько лет. Разложенные в трех папках в хронологической последовательности они охватывают временной промежуток 1894–1930 гг. Причем, если в определенные периоды корреспонденции датировались с интервалом в недели — месяц, то встречаются и пробелы в несколько лет. Так, за письмом, датированным 30.12.1904 следует послание с датой 25.05.1907. При этом из содержания и самого тона письма ясно, что общение все это время не только прерывалось, но и приобрело черты дружеской переписки.

Письма, в отличие от научных трудов ученого, дают нам возможность увидеть политические взгляды Маркевича, личные симпатии и антипатии. Это ре-

льефно продемонстрировал анализ эпистолярного наследия Маркевича, обращенного к Н. Д. Полонской-Василенко [15]. Не менее ярко эти сюжеты раскрываются в переписке Маркевича с Платоновым.

В письме, отправленном 25.05.1907, Арсений Иванович просил о протекции Платонова в Санкт-Петербурге для некой девицы Чеглоковой — которая собиралась поступать в столичный вуз. Маркевич просил посоветовать для нее профессоров, которые могли бы «позаниматься с ней за плату», помочь с поселением в общежитие. При этом для нас важна приписка: «Прибавлю, что она «истинно-русская» девица, «черносотенка» — в благородном смысле этих слов» [16]. Придет время, и Маркевича будут «бить» за «великодержавный шовинизм», который прослеживался в его ученых трудах. Как видим, такие обвинения были небезосновательны.

Здесь же Арсений Иванович сообщал: «В ноябре месяце прошлого года у меня произошло от переутомления кровоизлияние в стекловидное тело левого глаза, вследствие чего я наполовину ослеп» [17].

Интересным источником об уровне организации отдыха в Крыму в досоветское время дает нам следующее из сохранившихся в архивном фонде Платонова писем Маркевича, датированное 23.12.1908. В ответ на просьбу петербургского коллеги о помощи в организации его отдыха с семьей в тихом незаезженном туристами месте, Арсений Иванович сообщал: «Навел справки, где бы Вы могли провести лето — это — Судак и новом, расхваливаемом многими <*нрзб*> Коктебеле, вблизи Феодосии. Там имеются три дачи, которые сдаются на сезон: за пять комнат с двумя террасами 300 р[ублей]; если нанимать помесячно, выйдет дороже. Так как Вы предполагаете провести у моря месяца два, то, по моему мнению, это цена небольшая. Стол лучше всего иметь свой, если с Вами будет прислуга. Небольшое количество посуды можно достать или купить на месте, а ложки, ножи, вилки и пр. можно захватить с собой. На одной из дач можно иметь стол за обед из двух блюд по 18 р[ублей]* (* Вода, дрова, уголь, конечно, свои). Цены в Судаке везде одинаковые. Судак – место тихое, купанье хорошее: в недалеком расстоянии по шоссе Феодосия, экскурсии в монастыри – Кизильташ (мужской), Топлу (женский), в Новый Свет, имение кн[язя] Голицына с первоклассным виноделием. Что касается Коктебеля, то это новое дачное место у чудесной бухты; к сожалению, больших там дач не имеется, и со столом затруднительно. То же говорят и об Отузах.

Где мы будем проводить лето, еще не знаю. Жена моя повезла за границу, в Италию, младшего сына, которому, после плеврита, надо починить легкие. Уехали они в конце октября и пробудут до апреля» [18].

Письма содержат сведения и о семье Маркевича. Так, 3.09.1915 он сообщал Платонову о своем «новоиспеченном зяте» Николае Сергеевиче Кошляко-

ве, который «окончил математический факультет Петербургского университета. Он парень знающий и серьезный, основательно готовится к магистерскому экзамену» [19].

Нам до сих пор мало что известно о жизни детей Арсений Ивановича. В семье Маркевичей их было трое. Сыновья Владимир (род. 29.09.1889), Георгий (род. 5.04.1891) и дочь Екатерина (род. 4.10.1894) [20]. В этом же письме содержится информация о старшем сыне: «Владимир Арсьеньевич 21 год, окончил Симферопольскую гимназию, обучался в Московском лицее в память цесаревича Николая. Был одним из лучших учеников. Предполагает посвятить себя судебной деятельности, начать службу в Симферопольском округе помощником судьи» [21].

Только три письма от Маркевича периода революционного лихолетья (начала и конца) сохранилось у Платонова. Гражданская война с постоянной переделкой границ, отсутствием связи и почты, конечно, не способствовала эпистолярному общению. Не исключено, что ряд писем был специально уничтожен Платоновым с учетом, что Маркевич довольно недружелюбно встретил власть большевиков и в эти годы не стеснялся в крепких выражениях в их адрес, в надежде на скорое возрождение Единой Великой России.

Социальное напряжение в Петрограде в октябре 1917 г. заставило Платонова искать возможность «отсидеться» в относительно тогда еще благополучном Крыму. Он попросил подыскать для его семьи варианты жилья. Маркевич сообщал ему, что «Цены все растут у нас на комнаты; сейчас в Симферополе и Бахчисарае с трудом можно найти комнату <*нрзб*> за 200 р[ублей] в месяц, и то без отопления… Становится прямо страшно <…> Теперь, пожалуй, в Евпатории и на Южном Берегу легче найти помещение. Но буду стараться.

К сроку наша книга в честь А. Л. Бертье-Делагарда не выйдет. Поэтому можно прислать статью в октябре и даже по конец ноября» [22].

О возможности прислать статью для специального выпуска «Известий Таврической ученой архивной комиссии», посвященного выдающемуся крымоведу Александру Львовичу Бертье-Делагарду, Маркевич сообщал Платонову и в следующем письме 2.12.1917. Этот сборник увидел свет в 1918 г. В нем кроме Платонова [23] приняли участие крупнейшие исследователи Крыма из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Одессы (Н. И. Веселовский, С. А. Жебелёв, В. В. Латышев, И. А. Линниченко, В. В. Орешников, Н. Д. Полонская-Василенко, А. Н. Самойлович, В. Д. Смирнов, А. А. Спицын, П. А. Фалев, А. А. Шахматов) [24]. Такой представительный состав авторов был возможен только благодаря титанической организационной работе, которую продолжал вести в это смутное время Маркевич.

О длительном отсутствии связи и переписки между крымскими и столичными крымоведами свидетельствует и факт проведения 1.11.1919 заседания Тав-

рической ученой архивной комиссии, посвященной памяти якобы умершего Платонова! [25]. Тогда же в газете «Таврический голос» был опубликован некролог, написанный Георгием Владимировичем Вернадским «Памяти С. Ф. Платонова» [26]. Узнав об этом, Сергей Федорович так написал музыковеду, композитору-дирижеру Николаю Ивановичу Привалову (1868–1926): «Лично я и моя семья прожили эти годы сравнительно благополучно. Умирать я не думал, даже не хворал, но сам имею три своих некролога» [27].

18.07.1920 Арсений Иванович сообщал Платонову: «От Б. Д. Грекова Вы, вероятно, уже узнали о нашем существовании здесь, как общем, так, в частности, и лично моем. Пока, как видите, еще живы, но жизненной энергии у меня и всех моих уже мало.

Я лично занят охраной от расхищения ценностей наших архивных, которые и здесь сильно пострадали. Пока оберегаем и спасаем, где можно, но это очень трудно. Бережем и другие научные и исторические ценности и даже кое-что пишем, но это скорее по традиции <…>, то есть по привычке.

Я просил Б. Д. Грекова привести для нашей Архивной Комиссии побольше книг. Земно прошу и Вас» [28].

Как видно, письмо написано еще в «Белом» Крыму. Что именно имел в виду Маркевич, когда писал Платонову: «Пока оберегаем и спасаем…»? 4.04.1920 приказом А. И. Деникина Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России был назначен генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928). Собственно, под Югом России в то время подразумевался только Крымский полуостров. Репрессивная машина при П. Н. Врангеле, как бы приняв эстафету от прежних администраций, работала, не сбавляя оборотов, перемалывая и правых и виноватых.

В это тяжелое время Арсений Иванович думал о создании обобщающего труда о культурном развитии Крыма в период после присоединения полуострова к России. 26 января 1920 г. он писал Ивану Андреевичу Линниченко: «Что касается истории Крыма культурной за время русского владычества, то я объявляю на эту тему конкурс, о чем писал уже А[лександру] Л[ьвови]чу [Бертье-Делагарду]» [29]. Понятно, что политические катаклизмы, в которых оказался Крым в течение 1920 года, не дали возможности реализовать саму идею конкурса. Сам же Арсений Иванович разрабатывал культурологический аспект подроссийского Крыма на протяжении всего последующего десятилетия.

14.02.1920 в Ялте скончался большой друг Маркевича, крупнейший и авторитетнейший крымовед — Александр Львович Бертье-Делагард. Руководитель крымского краеведения с первых дней после смерти ялтинского ученого высказывал озабоченность судьбой уникальных библиотеки и коллекций Александра Львовича. Маркевич интересовался, «как Софья Львовна [Белявская] распо-

рядится с рукописями покойного, о которых он мне писал, что они будут переданы мне для рассмотрения и использования насколько возможно для наших "Известий". Айналов и Деревицкий согласились сделать сообщения об А[лександре] Л[ьвовиче] на заседании нашей Комиссии. Скажу о нем и я. Надеюсь, что и Вы пришлете» [30]. Беспокойство по поводу архива («бумаг») А. Л. Бертье-Делагарда А. И. Маркевич проявлял и в последующих письмах к И. А. Линниченко. Так, 22.03.1920 он с озабоченностью интересовался их сохранностью [31]. 7 апреля он вновь напоминал Ивану Андреевичу: «Убедительно прошу прислать мне бумаги и переписку Александра Львовича. С радостью рассмотрю, приведу в порядок, сберегу до предбудущего времени — для издания» [32].

Таврическая ученая архивная комиссия (прежде всего Маркевич) активно поднимала вопрос о сохранении дачи Бертье-Делагарда «как государственного заповедника». Благодаря ходатайствам ТУАК 17.04.1918 Народный комиссариат внутренних дел Социалистической Республики Тавриды направил Ялтинскому уездному совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов распоряжение «принять самые энергичные меры к охране от разгрома библиотеки известного ученого А. Л. Бертье-Делагарда, его собрания карт историко-географических и рисунков, касающихся Крыма, оставив таковые в его ведении» [33]. Действенных мер по охране ценнейшего собрания предпринято не было. Это подтверждает сообщение В. И. Вернадского, опубликованное в 1921 г.: «Нельзя не отметить еще одно имеющееся в Ялте собрание, имеющее большое научное значение — это библиотека Taurica и археологическо-нумизматическое собрание археолога и инженера Делягарда (1920 г.). Библиотека, собиравшаяся десятки лет, была им завещана Историческому музею в Москве. Для Крыма потеря ее очень тяжела, т. к. она полнее Стевенсоновской Taurica и очень богата собранием карт Черного моря и Крыма — печатных и рукописных. К сожалению, ее судьба сейчас вызывает тревогу. Она хранилась до последнего времени в ящиках в Ялте. Археолого-нумизматическое собрание Делягарда частью ушло, частью уходит за границу. Среди массы научных ценностей, уже ушедших от нас к более сейчас богатым и умным соседям, прибавится еще одно» [34].

Вопрос о сохранении и передаче в Симферополь архива и библиотеки Бертье-Делагарда Арсений Иванович обсуждал также с его сестрой Софьей Львовной Белявской (письма от 1 и 6 июня 1920 г.) [35].

Написанное в январе 1921 г. следующее письмо Маркевича к Платонову полно пессимизма. Дали себя знать первые месяцы Советской власти, омраченные Красным террором. Новая власть, безусловно, сразу же приступила к реорганизации сложившейся в досоветское время системы учреждений. Так, после окончательного установления Советской власти в Крыму в ноябре 1920 г. началась естественная пертурбация дореволюционной системы краеведческих

учреждений и обществ на полуострове. Ведущей общественной научной организацией, продуктивно занимавшейся изучением истории и этнографии народов Крыма в досоветское время, была Таврическая ученая архивная комиссия. Конечно же, новые власти не желали оставлять Комиссии все те функции, которые лежали на ней в предыдущие годы. Крымревком вообще поступил радикально. Им были закрыты все научные общества, существовавшие в это время в Крыму, в том числе и ТУАК.

Вся многолетняя деятельность ТУАК по изучению и собиранию архивных документов в предшествующий исторический период подготовила создание 2.05.1919 в Симферополе Центрального архива. В годы революционной неразберихи архив по-прежнему фактически находился в ведении членов Таврической ученой архивной комиссии. После окончательного утверждения Советской власти ТУАК полностью потеряла существовавший и до этого неофициально свой юридический статус. Все основные функции Комиссии перешли от нее к другим специально созданным государственным учреждениям вместе с фондами исторического архива, музеем древностей и собственной библиотекой. После создания в Крыму Центрального архивного управления от Таврической ученой архивной комиссии отошла та часть ее деятельности, которая относилась к архивным делам. 17.11.1920 при Крымревкоме был создан Отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). ТУАК приостановила свою деятельность и в этой области. В соответствии с решением Крымревкома музей древностей Таврической ученой архивной комиссии был передан только что созданному Центральному музею Тавриды в Симферополе. В связи с этими преобразованиями Комиссия превратилась в простое историко-археологическое общество. С окончательным приходом большевиков в Крым прекратилось и печатание «Известий Таврической ученой архивной комиссии» [36].

2 (15).01.1921 Маркевич сообщал своему другу в Петроград: «Как видите, и я еще маюсь на этом свете, доживая век свой на этой планете. Два года состоял доцентом здешнего университета, читал «Историю и древности Крыма». Это давало мне возможность существовать, продавая постепенно разные вещи, т. к. жалования не хватало на жизнь. С Нового года историко-филологический и юридический факультеты теперь закрыты, и предстоит мне такая нищета. Правда, пока паек еще дают. <…> Этого хватает только для утоления голода, а не для питания. Масло, сало, сахара, говядины давно уже не видели, ходим в рванье, университет стоит, нуждаясь в самом необходимом, начиная с мыла. Жалования два месяца не получаем и выдача его не предвидится. <…> а я желаю поскорее отойти, как сделал это А. Л. Бертье-Делагард, скончавшийся 14 февраля истекшего года, и мой младший сын, застрелившийся 23 февраля. <…>

Для Известий Архивной Комиссии я собрал в высшей степени ценный материал, которого хватило бы тома на три, но нет денег и бумаги для его опубликования. До сей поры мы издали 57 томов Известий <...>. Хотелось бы еще поработать в Комиссии, но при описанных условиях это очень трудно» [37].

В конце этого же 1921 года Маркевич писал Платонову: «Живу я плохо, очень плохо, но работы не бросаю, пока кое-какие силы имеются, но хватит их уже не надолго, — едва ли мы увидимся» [38].

Новые власти довольно скоро поставили вопрос о необходимости реорганизации Таврической ученой архивной комиссии. Не устраивало еще досоветское название. А советская бюрократическая машина требовала официальной регистрации организации в государственных органах. Все члены ТУАК были переизбраны в новое ученое образование — Таврическое общество истории, археологии и этнографии. 12.05.1923 Арсений Иванович сообщал Платонову: «Кроме обычной суеты и работы, я озабочен теперь преобразованием б[ывшей] нашей Ученой Архивной Комиссии в Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии. Казалось бы, дело пустое, а из-за всяких придирок и проволочек тянется уже два месяца и конца не видно. Таковы прелести нынешнего нашего бытия» [39]. В этом же письме Арсений Иванович вспоминал о том, как в 1919 г. члены ТУАК чествовали память якобы умершего Платонова: «Как ни забавно теперь вспоминать о чествовании Вашей памяти по случаю неверного, к счастью, сообщения о Вашей кончине, но мы искренне и единодушно оплакивали Вас. Подробно сообщил Вам, вероятно, об этом Б. Д. Греков, который произнес тогда прекрасную речь, равно как и Г. В. Вернадский. И как искренно горевали мы тогда, так искренне радовались, узнав, что дошедшие до нас слухи оказались неверными. Но как много потерь понесла наша наука, страшно и подумать» [40].

В биографии Платонова с первых лет Советской власти также наступили изменения. После избрания 2.08.1920 академиком С. Ф. Платонов уже тяготится чтением лекций в университете. В 1922 г. ему было поручено руководить работой Постоянной исторической комиссии Академии наук. 1.08.1925 Сергей Федорович стал директором Пушкинского дома (Института русской литературы АН СССР), а 22 августа этого же года его избрали директором Библиотеки АН СССР. В это же время Сергей Федорович Платонов руководил деятельностью Археографической комиссии, председателем которой он был избран 31.12.1918 (с января 1922 г. Комиссия была переведена под юрисдикцию Академии наук) [41].

В год семидесятилетнего юбилея Арсений Ивановича — в 1925 г. — его ленинградские друзья академики Сергей Федорович Платонов и Игнатий Юлианович Крачковский выступили с инициативой рекомендовать авторитетного

крымского ученого к избранию в члены-корреспонденты Академии наук СССР. В связи с этим растроганный Маркевич писал: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Я крайне сконфужен, почти уничтожен сообщением зятя о том, что Вы и Иг[натий] Юл[ианович] Крачковский предполагаете проводить меня в Корреспонденты Академии, так как сознаю себя совершенно недостойным такой чести. Печатных трудов моих, имеющих кн[ижное] значение, мало, а лучшие лежат в рукописях и, конечно, погибнут, не оставив к[акого]-л[ибо] следа. Правда, я работал много на поприще крымоведения. Много лет редактировал научный орган (Известия Ученой Архивной Комиссии), в котором помещено много ценного материала по истории Крыма и вообще его прошлом, старался в течение 40 лет воспитывать, развивать и укреплять в молодом поколении и в широких кругах уважение и любовь к прошлому Крыма, веду и сейчас Общество Истории, Археологии и Этнографии Крыма, но все это крайне недостаточно для такой высокой награды» [42].

Избрание А. И. Маркевича в члены-корреспонденты АН СССР состоялось только в 1927 году. На заседании Общего собрания Академии наук СССР 15.01.1927 была заслушана «Записка об ученых трудах А. И. Маркевича», подготовленная академиками Платоновым и Крачковским [43]. Научному собранию вместе с обзором научной деятельности крымского краеведа и его вклада в развитие региональной историографии был представлен «Список научных трудов А. И. Маркевича». Он включал 64 опубликованные работы и 8 — в рукописи, готовые к печати. Среди неопубликованных: «Судьбы памятников древности Тавриды» (прибл. 5 печ. листов); «Географическая номенклатура Крыма как исторический материал» (прибл. 1 печ. лист); «Заметки по истории виноградарства и виноделия в Крыму» (2–3 печ. листа); «А. С. Таранов-Белозеров и основанный им Странноприимный дом в Симферополе» (3 печ. листа); «Движение татарского населения в Крыму в русский период в связи с переселением татар в Турцию» (37,4 печ. листа); «Собран значительный материал для археологической карты Крыма»; «Памяти А. Л. Бертье-Делагарда» (1 печ. лист); «Памяти Х. П. Ящуржинского» [44]. Доклад ленинградских академиков заканчивался лаконичным выводом о том, что «полувековая работа этого выдающегося ученого-краеведа вполне заслуживает того, чтобы почтить его званием члена-корреспондента Академии наук СССР» [45].

Получение столь высокого звания Арсением Ивановичем Маркевичем, который не имел никакой ученой степени, — случай беспрецедентный, свидетельствовавший о его авторитете в академических кругах и уважении к возглавляемому им в течение многих лет научному сообществу.

В 20-е гг. XX века Маркевич все еще оставался организатором науки. Хотя официально руководство краеведческим движением в это время сконцент-

рировалось в руках нового поколения краеведов, Маркевич как руководитель Таврического общества истории, археологии и этнографии продолжал оставаться значимой фигурой в бурно развивавшемся в это время крымоведении.

В 1926 году исполнялось 100-летие со дня официального основания Керченского музея древностей [46]. Крымские краеведы справедливо считали необходимым отметить эту круглую дату проведением в Керчи научной конференции. Конечно, подразумевался Археологический съезд, созванный по досоветским канонам. Однако, всем было ясно, что о таком названии собрания советских археологов не может идти речи. За организацию конференции взялся КрымОХРИС совместно с Керченским археологическим музеем.

Как глава ТОИАиЭ Арсений Иванович также активно включился в организационную работу по созыву Керченской археологической конференции. Так, 21.02.1926 он сообщал московскому нумизмату А. В. Орешникову о проводимых КрымОХРИСом организационных мероприятиях и идее «издать сборник по Боспорской проблеме», которую также поддерживал КрымОХРИС. А. В. Орешников как признанный специалист в античной нумизматике приглашался к участию в этом издании [47].

На Керченскую конференцию археологов Маркевич звал и Алексея Николаевича Деревицкого. В письме от 13.08.1926 (на бланке ТОИАиЭ) он просил своего коллегу по преподавательской гильдии в пединституте и Обществу истории, археологии и этнографии представлять Таврическое общество истории, археологии и этнографии на этом съезде, кратко изложил задачи и программу форума [48].

Маркевич тепло вспоминал дни Керченской археологической конференции. Он писал Сергею Федоровичу Платонову уже 27.09.1926: «Свидание с Вами в Керчи было для меня самым радостным событием в моей тусклой в настоящее время жизни. С светлым чувством вспоминаю Керченскую конференцию, и, как председатель Таврич[еского] Общ[ества] Ист[ории], Арх[еологии] и Этн[ографии], радуюсь, что из 63 докладов 15 было крымских и 11 из них были ранее заслушаны в заседаниях нашего Общества. При более благоприятных условиях местных сообщений на съезде было бы значительно больше. Как видите, работа у нас не замерла, идет, и съезд в Крыму, при некоторых его недочетах, оправдал себя. Личная моя жизнь сейчас не проста. Невежественный, невменяемый маньяк завед[ующий] Центр[альным] архивом прогнал меня со службы за “несвоевременную передачу в этот архив собранных Об[ществом] Ист[ории], Арх[еологии] и Этн[ографии] документов революционного времени”. Поступок дикий, несправедливый, незаконный, вызвал общее возмущение и негодование здесь, но — я остался при маленьком жаловании от Пед[агогического] Инст[итута] и на старости приходится класть зубы на полку… Вот полученный мною сюрприз к 50-летию тяжелой работы, в течение 40 лет, связанной с архивным делом» [49].

История увольнения Арсения Ивановича из КрымЦентрархива красноречиво свидетельствовала о том, кто пришел в управление научными учреждениями в те годы.

После очередной реорганизации приказом № 33 от 19.04.1923 Маркевич был зачислен на должность «ученого секретаря-архивиста». На анкетном листе, заполненном 68-летним крымоведом сохранилась резолюция нового заведующего КрымЦентрархивом Александра Михайловича Михайлова: «Как незаменимого и чрезвычайно ценного и опытного сотрудника прошу зачислить 27.IV.23» [50].

В это время Арсений Иванович занимался систематизацией фондов Таврического дворянского депутатского собрания, Странноприимного дома А. С. Таранова-Белозерова, Таврической дирекции народных училищ, Первой Симферопольской гимназии, Сиротского дома А. Я. Фабра, Комиссии о вакуфах, Бахчисарайской и Симферопольской городских управ. Историк трудился не покладая рук, несмотря на плохое зрение и солидный возраст.

5–7.05.1926 работала Первая Крымская конференция архивных работников. Арсений Иванович выступил на ней с обзорным докладом «Прошлое крымских архивов». Историк остановился на значении архивных документов и их сохранения в историко-социологическом и культурно-экономическом отношении. В докладе был охарактеризован состав и очерчены хронологические рамки хранящихся в КрымЦентрархиве документов, подчеркнута актуальность установления связей архива с научными и просветительскими обществами и организациями. Архивист предложил и перечень мероприятий, осуществление которых способствовало бы дальнейшему пополнению фондов [51]. В резолюции, принятой делегатами конференции, отмечалось: «Материалы доклада и предложения проф. Маркевича приложить к протоколам Конференции, поручив Центрархиву Крыма использовать их в своей будущей работе» [52].

Громом среди ясного неба стал для Арсения Ивановича в августе 1926 году приказ об его увольнении с работы в Центрархиве за «нежелание выполнять существующее законодательство и стремление скрыть от органов Сов. власти архивные материалы периода Революции и Гражданской войны».

Столь жесткая формулировка нового заведующего КрымЦентрархива И. Н. Прохорова, электромонтера по специальности, имевшего начальное образование (!), была связана с выводами комиссии КрымЦИКа, которая под председательством наркома просвещения Крымской АССР У. В. Балича в марте 1926 г. обследовала деятельность КрымЦентрархива. Признав работу архива неудовлетворительной, проверяющие среди недостатков указали на несоответствие части работников своему назначению, в т. ч. «по политическим взглядам». Вот, например, как был охарактеризован Маркевич: «В прошлом профессор Марке-

вич — реакционер, а в данное время — аполитичен. По преклонности лет малопродуктивен» [53]. Для того, чтобы понять подоплеку событий, приведем § 1 приказа № 38 от 16.08.1926 по Управлению КрымЦентрархивом, который непосредственно касался деятельности Арсения Ивановича: «Архивист Управления А. И. Маркевич, будучи в то же время председателем О[бщест]ва по изучению истории, археологии и этнографии Крыма (б[ывшая] Таврическая ученая архивная комиссия), работая в Управлении более 5 лет, не только не проявил себя в деле собирания и концентрации архивных фондов Крыма, но даже фонды, имеющиеся в помещении О[бщест]ва и перешедшие к нему от б[ывшей] Ученой архивной комиссии, скрыл и не передал КрымЦентрархиву. Такие, более чем ценные для изучения истории Революции и Гражданской войны архивные материалы, как 1) копия (с копии) Обращения Главной Директории Крымского татарского национального совета германскому правительству от 21.VII.1918 г.; 2) Копия представления Мирового судьи 5 уч. Евпаторийского округа от 17/V–1918 года о разборке дел, переписки и документов б[ывшей] Следственной комиссии Евпаторийского Совета раб. солд. и кр. депутатов; 3) Журнал заседаний Симферопольского городского общественного комитета, постановлений бюро Комитета и журналы заседаний Комитета по охране г. Симферополя, <…> дела Белогвардейского Крымского правительства и т. п. были обнаружены сотрудниками КрымЦентрархива и случайно переданы в КрымЦентрархив лишь после долгих неоднократных требований последнего, при чем часть из них <…> А. И. Маркевич пытался скрыть даже при передаче, категорически утверждая, что все, что было в О[бщест]ве, уже передано.

Принимая во внимание недопустимость подобного поведения со стороны сотрудника советского учреждения, нарушающего постановления власти, кои он по роду службы не мог не знать и был призван проводить в жизнь, усматриваю в поведении А. И. Маркевича прямое нежелание выполнять существующее законодательство и стремление скрыть от органов Сов[етской] власти архивные материалы периода Революции и Гражданской войны, а потому приказываю: Архивиста Управления А. И. Маркевича <…> с 1 сентября с/г считать уволенным и из списка сотрудников исключить.

Заведующий КрымЦентрархивом *Прохоров*» [54].

Приняв решение бороться за отмену клеветнических обвинений, Арсений Иванович уже 21 августа подал заявление в Архивный отдел Центрального Исполнительного комитета Крымской АССР:

«В архивный отдел ЦИК
Крымской республики ученого архивиста
Крымского Центрального архива
Маркевича

заявление.

16 этого месяца зав[едующий] КрымЦентрархивом тов. Прохоров заявил мне, что так как я несвоевременно передал в архив эти бумаги революц[ионного] времени, собранные Таврич[еским] обществом истории, археологии и этнографии, что по его словам, надо было сделать 5 лет тому назад, то он служить со мной не может, и что я должен подать прошение об отставке. На мой отказ сделать это тов. Прохоров сказал, что он уволит меня приказом. Затем я узнал, что он представил обо мне донесение в ЦИК Кр[ымской] респ[ублики] Так как я никакой вины за собой ни в служебном, ни в политическом отношении не сознаю, то прошу ЦИК дать мне возможность представить подробные и исчерпывающие объяснения к донесению тов. Прохорова. Это тем более необходимо, что дело касается Таврич[есокого] об[бщест]ва истории, археологии и этнографии, находящегося в ведении Главнауки» [55].

В «Деле о службе ученого архивиста Крымархива А. И. Маркевича», датированном 22.04.1923 — ноябрем 1926 гг., выявленном в фонде Р-415 (Центральное архивное управление Крымской АССР), отложившемся в Госархиве в Автономной Республике Крым, сохранилась машинописная копия его докладной записки в Главархив РСФСР, подготовленная им 23.08.1926.

Семидесятиоднолетний историк так представил свое видение событий: «Приказом Заведующего Крым. Центрархивом тов. Прохорова от 16-го числа этого месяца я совершенно неожиданно и незаслуженно уволен от службы в этом учреждении. В отношениях, препровожденных им в Крым. ЦИК и Союз научных работников при Крым. педагогическом институте, в котором я состою преподавателем, тов. Прохоров обвиняет меня в том, что я “не проявил себя в деле собирания и концентрации архивных материалов” и я **скрыл** архивный материал Таврического общества истории, археологии и этнографии, в котором состою председателем, касающийся революционного времени, **уклоняюсь** от передачи его в Центрархив.

Оба эти обвинения совершенно не соответствуют истине и являются злостными и недобросовестными. <…> Я с 1918 г. прилагал самоотверженное старание к сохранению и спасению архивов от разгрома и передаче их в Центрархив, учрежденный в Симферополе первоначально 19/VIII 1919 г. и окончательно в 1921 г. Так, благодаря именно моим стараниям были переданы в Центрархив архивы Таврического депутатского собрания в 1919 г., Странно-Приемного дома Таранова-Белозерова, Таврической дирекции училищ и 1-й Симферопольской гимназии в 1920 г., остатки архива Сиротского дома Фабра в 1923 г., Комиссии о вакуфах в 1922 г., Симферопольской городской управы (1923 г.), Бахчисарайской городской управы в 1924 г. Все эти архивы были мною и описаны в количестве до 50 000 дел. <…> Небольшое количество документов, ка-

сающихся революционного времени, собранных бывшей Таврич. Уч. Арх. Комиссией в 1918–1920 гг., не могло быть передано в Кр. Центрархив до последнего времени **именно в целях их сохранения** ввиду хорошо известных Глав. Архиву настроениях в Симфер. Центрархиве в 1923–1925 гг., когда из главного помещения бывшего Тавр. Губ. Архива было расхищено около 50% ценнейшего архивного материала, начиная с ордеров кн. Потемкина и Зубова правителям Таврической области за 1784–1796 г., Камерального описания Крыма Игельстрома 1784 г. <...>.

Докладывая об этом Главархиву, прошу о принятии мер к снятию с меня позорящих лживых обвинений т. Прохорова и защите моей чести, как человека, который в течение **50-ти лет** своей службы (завтра именно истекает это 50-летие) никогда и ни в чем не погрешил против служебного дела» [56].

Следующее заявление в Главархив Маркевич направил 26.08.1926: «Ввиду того, что приказ заведующего Крымцентрархива о моем увольнении от службы вызвал разнообразные толки в Симферополе, усердно прошу Главархив назначить лицо для производства строгого и беспристрастного расследования на месте возведенных на меня обвинений, совершенно несправедливых и несогласных с истиной. Прошу не назначать расследование на I половину сентября, так как с 3 по 13.09. я буду находиться на Археологической конференции в Керчи от Главнауки и Таврического общества истории, археологии и этнографии. Я думаю, что заслужил уважения к моему ходатайству свыше 40-летней работой по охране, собиранию и спасанию от гибели архивных фондов и своей добросовестной службой в КрымЦентрархиве при самых тяжких условиях» [57].

Конечно же, этот инцидент не мог не стать предметом обсуждения на очередном заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии. Как свидетельствует протокол 43-го заседания ТОИАиЭ от 29.08.1926 Арсений Иванович доложил о передаче хранившихся в библиотеке Общества документов времени Революции и Гражданской войны КрымЦентрархиву, об обстоятельствах, сопровождавших эту передачу и об увольнении его с должности ученого архивариуса в связи с этими событиями и дал свои объяснения по этому поводу. Секретарь Общества Н. Л. Эрнст доложил поступившее из КрымЦентрархива отношение с выпиской о мотивах увольнения Маркевича. Характерно, что на время обсуждения данного вопроса, как явствует из протокола, Маркевич покинул заседание и передал председательство Павлу Ивановичу Голландскому.

В резолюции, принятой собранием после обсуждения данного вопроса, значилось, что «доверие Общества к нему [Маркевичу] не поколеблено, что Общество глубоко дорожит по-прежнему своим председателем как заслуженным деятелем в области архивного дела, научным работником и руководителем работ Общества. Для вынесения исчерпывающего детального постановления

по всем пунктам дела избрать комиссию в составе членов Общества: Н. Л. Эрнста, М. А. Фрешкопа и Л. В. Жирицкого под председательством первого, каковой поручить сделать детальный доклад на ближайшем, более многолюдном заседании Общества».

По настоянию Маркевича 21.09.1926 для изучения спорной ситуации и расследования предъявленных краеведу обвинений была также учреждена комиссия от Правления Крымского союза работников просвещения. В ее состав вошли секретарь Союза научных работников Крыма, известный впоследствии литературовед Е. В. Петухов, ректор Крымского педагогического института им. Фрунзе С. Т. Бобрышев и тов. Совранский. После проведенного расследования на заседании комиссии 19.10.1926 ее члены констатировали, что Арсений Иванович действительно оттягивал сдачу дел в архив, однако «увольнение т. Маркевича признано неправильным», в связи с чем КрымЦентрархиву было предложено восстановить его на работе в старой должности с выплатой содержания за все время с момента увольнения [58].

Обсуждение конфликта Маркевича с КрымЦентрархивом было продолжено 26.09.1926 на очередном 44-м заседании ТОИАиЭ, на котором было принято специальное постановление по данному вопросу, которое оправдывало действия Маркевича и осуждало его незаконное увольнение [59].

Восстановив попранную справедливость, Арсений Иванович не желал продолжать работу под руководством малообразованного И. Н. Прохорова. 1.11.1926 он написал заявление об увольнении: «В виде крайне ухудшегося в последнее время состояния моего здоровья прошу Вас уволить меня от службы в Крым. Центральном Архиве». В соответствии с приказом № 9 от 1.11.1926 «архивиста Маркевича А. И. с сего числа считать уволенным согласно его заявлению» [60].

Отрадой для Арсения Ивановича в это время была организационная возня, связанная с избранием его членом-корреспондентом АН СССР, инициированная С. Ф. Платоновым. Арсений Иванович писал ему 11.11.1926: «Долго приходилось мне работать здесь в одиночку <…>, а теперь я вижу целое поколение крымоведов, идущих по моим следам и прокладывающих новые тропинки. Это и утешает меня и несколько оправдывает в моих глазах то внимание, которое оказала мне Академия» [61].

Одним из важных научных событий 1927 года в крымоведении стал выход первого тома «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии». Его было решено посвятить юбилею председателя Общества. Об этом говорилось на первой странице издания: «Выпуская после 7-летнего перерыва настоящий том своих “Известий” к 40-летию своего существования (1887–1927 гг.) Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии, бывшая Таврическая Ученая Архивная Комиссия, посвящает его своему долголетнему

Председателю и руководителю своих работ, высокозаслуженному исследователю прошлого Крыма Арсению Ивановичу Маркевичу, дабы тем ознаменовать исполнившееся в 1926 году 50-летие его научной деятельности и 70-летие со дня его рождения» [62].

Среди авторов 37 статей юбилейного сборника – имена выдающихся ученых той эпохи – цвета советской исторической науки — друзей Маркевича: академиков В. В. Бартольда, С. А. Жебелёва, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, С. Ф. Платонова, А. И. Соболевского; членов-корреспондентов АН Д. В. Айналова, Н. И. Новосадского, А. Н. Самойловича, профессоров И. Н. Бороздина, Б. В. Варнеке, Г. В. Вернадского, Ю. В. Готье, С. С. Дложевского, Н. С. Державина, В. В. Лункевича, Е. В. Петухова, И. И. Толстого, В. И. Филоненко и др. В сборнике приняли участие и представители «новой волны» в крымском краеведении — О. Н. Акчокраклы, У. А. Боданинский, П. И. Голландский, К. Э. Гриневич, Б. С. Ельяшевич, И. С. Кая, Ю. Ю. Марти, П. Я. Чепурина, Н. Л. Эрнст, Я. М. Якуб-Кемаль.

Сергей Федорович Платонов прислал для публикации в сборнике отрывки своих воспоминаний о выдающихся крымоведах, где, между прочим, заметил: «Уже сошедши со студенческой скамьи, на археологических съездах, мы наблюдали необычно скромную фигуру серьезного и вдумчивого А. И. Маркевича, умевшего сочувственно слушать как научные доклады, так и простую беседу, и на всякий вопрос о Крыме дававшего неизменно точный и всегда высококомпетентный ответ» [63].

В этом же году состоялась вторая Конференция археологов СССР в Херсонесе, которая проходила с 10 по 13 сентября. Она была приурочена к столетию начала здесь раскопок. Интересно, что Платонов выступил на торжественном заседании конференции 10.09.1927 с обстоятельным докладом по истории изучения Крыма после его присоединения к России [64]. Скорее всего, что тезисы для этого доклада академика готовил Маркевич. Об этом косвенно свидетельствуют и недавно опубликованная работа Маркевича «Судьбы памятников древности в Тавриде» [65].

В 20-е гг., не имея возможности опубликовать в полном объеме свои краеведческие штудии в Крыму, Арсений Иванович постоянно обращался к своим друзьям в Ленинграде и Москве с просьбой «пристроить» ту или иную статью. Именно благодаря участию Платонова в «Известиях» АН СССР было опубликовано обстоятельное исследование Маркевича «Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму» [66]. 9.11.1927 Маркевич писал по этому поводу Платонову: «Дорогой Сергей Федорович! Вы, вероятно, помните выраженное мною желание послать на суд Академии Наук мою работу об эмиграции крымских татар в Турцию. Вы отнеслись к этому моему намерению

благосклонно. <…> прошу ознакомить с ней В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. Посылая свою работу в Академию, я хочу прежде всего показать, что исполняю посильно долг ее чл[ена]-корр[еспондента]. Буду, конечно, рад, если она заслуживает помещения в к[акое]-л[ибо] академическое издание» [67].

Значение этого исследования в крымской историографии подтверждает факт полного переиздания этого сочинения в 2003 г. [68]. Автор поднял в работе ряд до сих пор дискутируемых проблем: о количестве населения в Крыму в эпоху Крымского ханства, о причинах, волнах миграций крымских татар из Крыма и, главное, о количественных параметрах этого переселения. Историк отметил, что «настоящий труд не имеет целью решения всех этих вопросов». Свою основную задачу он видел во введении в научный оборот наибольшего количества архивных материалов, выявленных им в местных фондах. Автор объективно перечислил ряд мер царского правительства, направленных на удержание крымских татар от эмиграции. Однако это рисовалось на фоне так характерных для ряда публикаций Маркевича заявлений о «косности и некультурности» крымских татар.

Работа Маркевича была «в штыки» встречена официальной советской историографией. В 28 номере журнала «Новый Восток» (1930 г.) появилась разгромная рецензия А. Таксера под названием «Апологетика колонизаторской политики царизма в Крыму», где говорилось, что «мы имеем дело с сознательным искажением исторических фактов в целях оправдания варварской колонизаторской политики царизма». Вскрывая на восьми страницах «обще-реакционный характер статьи Маркевича и его попытки оправдания царской колонизаторской политики в Крыму» [69], автор рецензии открыто говорил о серьезных обвинениях, которые следует предъявить не только к Маркевичу, но и к «академику С. Ф. Платонову, представившему эту статью, и ко всей Академии Наук, поместившей ее в своих “Известиях”» [70].

13.12.1927 Арсений Иванович справлялся у Платонова: «нельзя ли мне получать бесплатно академическое издание?» [71].

Еще в 1927 г., после избрания членом-корреспондентом АН СССР, Маркевич в переписке с Платоновым поднял вопрос о ходатайстве по поводу назначения ему персональной академической пенсии. Тогда Платонов переслал это письмо в Москву профессору Московского госуниверситета, заведующему историческим отделом Государственного исторического музея, академику Михаилу Михайловичу Богословскому (1867–1927). Это письмо сохранилось в личном архивном фонде М. М. Богословского [72]. По-видимому, московский историк должен был возбудить в Главнауке Наркомпроса ходатайство о пенсии для Маркевича. Однако дальнейшая переписка Маркевича с Жебелёвым и Платоновым свидетельствует, что материальные проблемы еще долго преследова-

ли главу крымского краеведения. Так, 18.02.1928 он сообщал Платонову: «А мне предстоит полный отдых: исполняется 10 лет службе в высшем уч[ебном] заведении и с некоторым увеличением пенсии надо будет уходить в отставку. И пора уже. Через месяц мне стукнет 73 года. Хотелось бы только закончить некоторые свои работишки и после этого сказать: "довольно". Г. В. Вернадский прислал мне оттиск, предназначавшийся для наших "Известий" и напечатанный в сокращенном виде в одном итальянском издании на тему "Пушкин как историк". Вы, конечно, знаете эту работу. Если нет, и если не познакомил Вас с нею В. И. Вернадский, я Вам вышлю эту брошюру» [73].

Маркевич по-прежнему отдавал много сил для обеспечения «представительности» местного научного издания — «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», к участию в котором он постоянно приглашал ведущих специалистов из академических центров. Так, 3.04.1928 он писал Платонову: «Спасибо за обещание дать статью в «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Кстати, мы получили субсидию от Главнауки и думаем начать печатание книги немедленно, как только выясним материал для нее и сговоримся с типографией» [74]. Он не стеснялся неоднократно напоминать о данных обещаниях. Уже 1.04.1928 Маркевич писал в Ленинград: «Дорогой Сергей Федорович! Совестно мне надоедать Вам, зная, как перегружены Вы в настоящее время работой, но умоляю Вас прислать Вашу статью как можно скорее, так как отсутствие задерживает печатание наших "Известий". Медлит присылкой и Б. Д. Греков. Надеюсь, что № будет приличный» [75].

Чрезвычайно загруженный работой, в это время Платонов уже мечтал об отдыхе. Так, в письме к эмигрировавшему в 1921 г. в Германию его старому товарищу, бывшему декану историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, а теперь профессору Лейпцигского университета Федору (Фридриху) Александровичу Брауну он сообщал о своей мечте «освободиться от всех своих должностей, кроме Археографической комиссии» [76]. В сентябре 1928 г. он оставил должность директора Библиотеки Академии наук, а с марта 1929 г. освободился и от директорства в Пушкинском доме. Но 7 марта Платонова избрали академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук АН СССР. Он не мог или не хотел противиться этому избранию. Эта должность окунула академика в водоворот новых событий…

Платонов прислал, как и обещал, для публикации во втором томе «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии» статью «Пушкин и Крым», посвященную памяти историка литературы, архивиста Бориса Львовича Модзалевского (1874–1928). Эта статья, кстати, открывала выпуск. Всегда обязательный в переписке, Арсений Иванович 14.04.1928 отписал в Ленинград: «прошу принять сердечную мою благодарность за статью о Пушкине.

Печатание нового выпуска наших "Известий" начинается на днях. Если Вы желаете получить более 25 оттисков, то их придется отпечатать за Ваш счет. Уведомьте. Разумеется, мы не будем в претензии, если Вы поместите эту же статью и в сборник в память Б. Л. Модзалевского, недавняя кончина которого и нас сильно огорчила. В субботу проф[ессор] Петухов сделал доклад в нашем Обществе о нем, как ученом и человеке» [77]. 13.05.1928 Маркевич сообщал Платонову, что уже «началось печатание "Известий" с его статьей "Пушкин и Крым"» [78].

Интересную информацию о дальнейшем ходе пенсионных перипетий содержит письмо Маркевича от 22.07.1928, где, в частности, говорится: «А я, несчастный, сижу в душном теперь до крайности Симферополе, и не имею возможности, проще — денег, для поездки к морю и отдыха хоть на короткое время. На меня, теперь, как на бедного Макара, сыплются шишки, одна за другой и ударяют меня все больнее и больнее. Вот два последние удара: Восточное отделение нашего Крымского Педаг[огического] Инст[итута] возвело меня в звание профессора (я состоял официально в звании доцента). Правление с сочувств[ием] послало ходатайство об утверждении меня в Главнауку, и вот, спустя несколько месяцев, получаю ответ, что я утвержден в звании **доцента**, в котором состоял девять лет. На новом запросе ректора об этом "недоразумении", опять через несколько м[еся]цев получен на днях ответ № 47 об утверждении меня в звании сверхштатного (по возрасту) профессора (с окл[адом] 85 р[ублей] в месяц).

А вот другой удар по голове. Ректор возбудил ходатайство об увеличении педнаучной пенсии, данной мне год назад (60 р[ублей] в м[есяц]) **за 50 лет** непрерывной службы по нар[одному] образованию или хотя бы для меня академической за выслугу 10 лет в ВУЗе, что дало бы мне маленькое увеличение пенсии. В ответ, опять спустя месяца четыре, получаю вчера уведомление, что мне назначена академическая пенсия в размере **половины получаемого мною жалования**, т. е. 40 р[ублей] в м[еся]ц и, т[аким] обр[азом], пенсия мне не увеличилась, а еще уменьшилась. Что делать, — я не знаю» [79].

Эту информацию подтверждают документы Государственного архива Российской Федерации. Протокол № 39 заседания научно-политической секции Государственного ученого совета от 29.11.1927 содержит информацию о рассмотрении ходатайства об утверждении Маркевича в должности профессора по кафедре краеведения Крымского педагогического института им. тов. М. В. Фрунзе. В результате, наверняка, оплошности в графе «утвердили» значится «в должности доцента» [80]. Эта досадная ошибка была устранена только 26.06.1928 (протокол № 61), когда Маркевич был утвержден сверхштатным профессором.

17 августа Арсений Иванович сообщал Платонову: «Собираем материал для 3-го выпуска “Известий”. Его довольно, лишь бы были деньги» [81].

Друзья Арсения Ивановича — известные ученые — историки Н. С. Державин, С. А. Жебелёв, С. Ф. Платонов и А. Н. Самойлович составили коллективное письмо в Пенсионную комиссию Наркомпроса РСФСР и Центральное бюро Секции научных работников:

«В ПЕНСИОННУЮ КОМИССИЮ НАРКОМПРОСА РСФСР
и В ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО СЕКЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ.

Настоящим всемерно поддерживаем ходатайство Крымской Советской общественности, Крымского Педагогического института и Наркомпроса Крымской С. С. Республики о назначении Члену-Корреспонденту Академии Наук СССР, профессору Крымского Педагогического Института, Арсению Ивановичу МАРКЕВИЧУ полной профессорской пенсии.

Профессор А. И. МАРКЕВИЧ родился в 1855 г. Сейчас ему 74-ый год. В своем активе он имеет непрерывных, начиная с 1876 г., ПЯТЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ, НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ РАБОТЫ, неутомимо и энергично, несмотря на свой преклонный возраст, продолжая свою высоко-полезную работу в Крымском ВУЗ-е и научных учреждениях Крыма до настоящего дня.

Как редкий энтузиаст культуры и просвещения проф. А. И. МАРКЕВИЧ отдал всю свою жизнь подлинного труженика делу народного просвещения и науке в роли организатора и исследователя. Перу его принадлежит ряд ценных оригинальных трудов исторического и археологического характера, ИМЕЮЩИХ КРУПНЫЙ НАУЧНЫЙ ИНТЕРЕС И БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВО ВСЕСОЮЗНОМ МАСШТАБЕ.

Ему принадлежит огромная заслуга как энергичного организатора по изучению истории и древностей Крыма, сумевшего мобилизовать вокруг этого дела в недрах Таврической Ученой Архивной Комиссии, преобразованной в 1923-м году в Таврическое общество Истории, Археологии и этнографии, председателем которого он несменно состоит по настоящий день, выдающихся ученых Советского Союза.

Заслуги престарелого профессора А. И. МАРКЕВИЧА пред Союзною Советской наукой по достоинству оценены Академией Наук СССР, избравшей его в 1927 г. в связи с исполнившимся сорокалетием его неутомимой и плодотворной научно-исследовательской работы в свои члены-корреспонденты. Научная продукция проф. Ар. Ив. Маркевича выразилась в опубликовании им 79 крупных печатных трудов, семь его же статей сейчас находятся в печати, и четыре статьи готовы к печати. Это исключительная работоспособность и преданность престарелого труженика науке и просвещению заслуживают всяческого внимания и поддержки.

Сейчас проф. Маркевич находится в очень тяжелом материальном положении, обременен большим количеством иждивенцев, и назначение ему полной профессорской пенсии не только скрасило бы его последние дни его жизни, но и было бы справедливой и заслуженной им наградой со стороны Советской власти и общественности» [82].

В последующих письмах Маркевича к Платонову речь идет о корректуре его статьи «Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму». 2.12.1928 он писал: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Наконец я получил корректуру своей статьи, просмотрел, отправил обратно в Академию, и чувствую душевную потребность еще раз горячо поблагодарить Вас за оказанное мне внимание, благодаря которому она появится в свет. Я писал ее с большим старанием, но как она будет принята, боюсь думать. Тема неважная, а в развитии ее нет публицистической струи, модной в настоящее время, нет шельмования прошлого, проклятий, и т. д. Беспристрастие теперь не в чести. Во всяком случае большое спасибо Вам.

История с С[ергеем] А[лександровичем] Ж[ебелёвым] и др[угими] меня сильно огорчила. Все это неприятно и обидно. Опека, очевидно, над наукой не ослабевает, а растет, нивелировка все более усиливается» [83].

С историком, филологом-эллинистом, археологом Сергеем Александровичем Жебелёвым (1867–1941) Маркевича связывала научная дружба. Упоминание его в письме связано с так называемым «Делом академика Жебелёва» (ноябрь 1928 — январь 1929 гг.), которое ознаменовало начало «великого перелома» в Академии наук. Инспирированный властями скандал, затрагивавший интересы Академии наук, Государственной академии истории материальной культуры и Эрмитажа, развернулся на фоне предвыборной кампании 1928–1929 гг. Поводом к началу «дела» послужил выход в Праге в октябре 1928 г. второго тома трудов Семинария имени Н. П. Кондакова, посвященного памяти историка, крымоведа Якова Ивановича Смирнова. Помещенные в сборнике труды, в частности эмигрировавшего известного историка античности, крымоведа Михаила Ивановича Ростовцева, носили явно выраженный политический, антибольшевистский оттенок. Над С. А. Жебелёвым, который принимал участие в подготовке этого тома [84], нависла угроза быть исключенным из действительных членов Академии наук [85]. Кстати, в первом томе «Сборника статей по археологии и византиноведению, издаваемом Семинарием имени Н. П. Кондакова» были опубликованы две небольшие статьи самого Маркевича [86]. «Дело Жебелёва», которому пришлось публично отрекаться от дружбы с М. И. Ростовцевым, стало своеобразным прологом к дальнейшим потрясениям, которые ждали столичных друзей Арсений Ивановича Маркевича.

27.12.1928 Арсений Иванович сообщал Платонову: «После некоторого

подъема в научном отношении у нас теперь затишье. Работа идет, но вялым темпом. Я, впрочем, написал статью «Смутные годы в мнимой независимости Крымского ханства» — это ввиду 150-летия с того времени. Если можно будет, где-нибудь напечатаю» [87].

Арсений Иванович не знал, что в этот же день 27.12.1928 Платонов переслал корректуру его статьи «Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму» академику-ориенталисту Игнатию Юлиановичу Крачковскому (1883–1951) в Ленинград. В прилагаемой записке значилось: «Многоуважаемый Игнатий Юлианович! Сюжет прилагаемой статьи А. И. Маркевича, быть может, Вас заинтересует. Если Вы взглянете на неё, я буду спокойнее, хотя лично ничего сомнительного в ней, в её теперешнем виде, не нахожу. Во всяком случае от себя перешлите её в Издательство. За что заранее приношу Вам мою благодарность. Преданный Вам С. Платонов» [88].

Поздравляя Платонова с Новым 1929 годом, Маркевич сетовал на неудобства провинциальной жизни: «Мы здесь в Малой Татарии ничего не знаем. Вы правы, — с переходом научных учреждений и организаций на местные средства мы можем перейти в небытие, а мне так хотелось бы выпустить в свет в этом году книжку наших “Известий”... А у наших властей — денег нет, а претензий слишком много, и ничего не выходит. В последнее время выяснилось, что Гриневичем здешняя администрация недовольна и не желает его пребывания в Херсонесе, равно как и Репникова. Что из этого выйдет, – не могу понять. Назначение Смолина было очень удачным. Как бы ни было, с Репниковым случилось что-то комичное: я не думаю, что он серьезно мог думать, что в Эски-Кермене был (нашел) Дорос. К тому же, он не раскапывал городища Эски-Кермена, а только погребение, то есть могильник.

Я, действительно, рад, что моя статейка, наконец, печатается в “Известиях” Академии, но опечален несколькими опечатками в последней корректуре. Если уже нельзя исправить, то просил бы Вашего распоряжения, чтобы опечатки эти были оговорены и в книге, и в оттисках. А Вам еще раз глубокое и сердечное спасибо» [89].

В письме речь идет о трех общих знакомых Маркевича и Платонова — К. Э. Гриневиче, Н. И. Репникове и В. Ф. Смолине — видных исследователях Крыма. Обсуждался перевод Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970) с должности директора Херсонесского археологического музея на пост заместителя заведующего музейного отдела Наркомпроса РСФСР с переездом его в Москву. На его место в Херсонес был назначен Виктор Федорович Смолин (1890–1932), который также руководил Севастопольским отделением ТОИАиЭ. Археолог Николай Иванович Репников проводил исследования на Эски-Кермене.

Письма Маркевича различным деятелям исторической науки в 20–30-е гг. XX в. — важнейший источник, повествующий о его научном творчестве. Благодаря переписке мы узнаем о ряде неопубликованных трудов крымского ученого, что, хотя и косвенно, но расширяет наше представление о его научном наследии.

Так, 8.01.1929 он писал: «Дорогой Сергей Федорович! Сердечно благодарю Вас за внимание и согласие пристроить мою статью, если она окажется для этого достойной. Мне кажется, что она может представлять интерес. Заглавие "Смутные(ая) годы (эпоха) мнимой независимости Крымского ханства". <…> Размеры моей работы прибл[изительно] два печатных листа, а Вы даете только 10.000 тип[ографских] знаков, — это, кажется, меньше полулиста. Неужели придется писать новую статью? Но я бы и на это согласился, в виду гонорара. Мое материальное положение прямо отчаянное. Я сегодня же возьмусь за тщательный просмотр статьи, вчерне и готовой, а Вас очень прошу черкнуть мне точно какой maximum статьи я должен иметь в виду. Недели через 2–3 я мог бы статью выслать. Она будет написана вполне четко, но не на печатной машинке» [90].

Платонов, заинтересовавшись сюжетом, просил Маркевича выслать статью в Ленинград. Он предполагал опубликовать ее в редактируемом им иллюстрированном популярно-научном журнале «Вестник знания». 25.01.1929 Арсений Иванович отвечал ему: «Дорогой Сергей Федорович! Да будет благословенно Ваше имя ныне, присно и во веки веков. Еще раз спасибо Вам за внимание ко мне и заботы обо мне. Завтра или послезавтра я статью посылаю Вам. Прошу отнестись к ней строго, и, если она покажется Вам не интересной и не подходящей для В[естника] З[нания], то сейчас [же] мне возвратите. Если же она признана будет сносной, то делайте с ней, что хотите. Она представляет сокращение на 1/3 более крупной работы в интересах популярности. По получении Вашей открытки, я сделал в ней еще сокращения, так, что всего выйдет размер ее на 1 печ[атный] лист с небольшим. Я думаю, что можно было бы выбросить все ссылки (сноски), а вместо них приложить в конце статьи список источников и пособий. <...> Прошу Вас поместить мою статейку поскорее и, если возможно, прислать мне в виде аванса часть гонорара. На сокращения в статье, кроме сделанных мною, я вполне согласен, лишь бы только они сделаны были Вами или с Вашего ведома. Прошу о помещении ее в скорое время не из-за мелких личных поводов, а потому что этого **требует** время и наше теперешнее положение в Крыму, принимающем все более и более нерусский облик, что сказывается уже и в статейках здешних политиков и отношениях России к Крыму и Турции. Иногда кажется, что мы живем здесь в ту эпоху, которая описывается в моей статье, и дела еще хуже теперь потому, что у нас нет теперь Румянцевых, Суворовых, Паниных, Щербинских, нет Екатерины… Говорю это вполне серьезно. Издать мою статейку **здесь** никак нельзя, хотя написана она, как видите, вполне беспри-

страстно, объективно и согласно с действительностью» [91]. Спустя неделю, значительно сократив по просьбе Платонова текст статьи, 1.02.1929 Маркевич сообщал: «Дорогой Сергей Федорович! Наконец я высылаю Вам свою работишку. <…> Она сокращена до 1/3 из бывшей работы, чтобы сделать ее популярной, а потом, как видите, сокращена еще раз до указанного Вами предела. Простите, что некоторые страницы статьи не переписаны еще раз: у нас бумажный голод, писчей бумаги нет в продаже» [92].

Отослав статью о последних годах существования Крымского ханства, Маркевич с нетерпением ждал ее оценки в редакции «Вестника знания». Спустя две недели, 14.02.1929, он писал в Ленинград: «Убеждали меня поехать по командировке в Москву на собрание предварительного комитета Археологического съезда, но я отказался. Решение Ваше относительно моей статьи предвижу: оно будет отрицательное. Тема хорошая и как будто подходящая. — Ведь 150 лет Русской власти в Крыму не шуточное дело, и ради уже этого нельзя забывать об этом, но в моей статье нет современного подхода, нет брани, <*нрзб*>, проклятий и т. д., значит, лучше молчать. А в нашу публицистику статью я не хотел. О, если бы Вы знали, могли представить себе, в каких формах выражается татаризация (и жидовизация) Крыма, Вы пришли бы в недоумение, как можно жить здесь теперь. И будь при квартире Кати 3-я комната, я уже сбежал бы отсюда, — но горе мне в том, что многое приковывает и А[нну] Н[иколаевну] к Крыму, и приходится в нем сидеть.

В Херсонес преемником Гриневича назначен проф[ессор] Смолин, и я считаю это назначение не только удачным, но и счастливым. Лишь бы удержался он здесь…» [93].

В письме упоминается «Катя» — Екатерина Арсеньевна Кошлякова, проживавшая с семьей в Ленинграде, и Анна Николаевна — жена Маркевича. По поводу того, что «в нашу публицистику статью я не хотел», можно заметить, что скорее в местной «публицистике», равно и в научных периодических изданиях, не хотели видеть его трудов, которые в данном контексте юбилея присоединения Крыма в Российской империи шли вразрез с проводимой в Крымской АССР политикой татаризации.

Имя названного в письме археолога, музейного работника Виктора Федоровича Смолина второй раз упоминается в переписке Маркевича с Платоновым и вновь очень тепло. Этот краевед родился в Пермской губернии. Образование получил на философском факультете университета в Галле (Германия), а затем на историко-филологическом факультете Казанского университета. После окончания этого вуза Смолин непродолжительное время работал в Томске, а затем в Казани — преподавателем Восточного педагогического института. В это время он активно сотрудничал в Обществе истории, археологии и эт-

нографии при Казанском университете и Научном обществе татароведения. В это время Смолин вел раскопки в Волго-Камском регионе, уделяя особое внимание культуре Волжской Болгарии. В конце 20-х гг. он вынужден был покинуть Казань из-за преследований и переехал в Пятигорск, где «служил в Пятигорском музее и пытался изучать колхозы» [94]. В 1929 г. Смолин перебрался в Крым, был введен в президиум Таврического общества истории, археологии и этнографии и избран председателем Севастопольского отделения Общества [95]. Маркевич не напрасно опасался: «Лишь бы удержался он здесь...» В феврале 1931 г. Смолин был арестован по обвинению в том, что «в своих выступлениях и лекциях по вопросам археологии, увязывая вопросы с современностью, вел контрреволюционную агитацию». Спустя месяц, из-за отсутствия доказательств, он бы освобожден, но вынужден был оставить Крым [96].

Интересно, что среди переписки Маркевича с Платоновым сохранилась расписка Арсения Ивановича о получении им 30 рублей за статью, принятую к печати в «Вестник знания» [97]. Увы, но вскоре крымскому краеведу придется вернуть эти деньги, так как Платонову не удалось настоять на ее публикации.

В преддверии своего 74-летия Маркевич с грустью писал Платонову: «Мозг еще кое-как действует, хотя через две недели мне стукнет 74. И сейчас я не без дела, и работа только отвлекает от тяжелых переживаний. При нынешних условиях <...> жить на 90 р[ублей] пенсии и 45 р[ублей] жалования (из чего много идет на вычеты и другие взносы) очень трудно, а пенсии не прибавляют (15%)... Приходится сидеть на каше и носить рвань» [98].

А уже 12.04.1929 Арсений Иванович был вынужден оправдываться перед Платоновым за невозможность сразу вернуть полученный за предполагаемую публикацию в «Вестнике знания» гонорар: «Что касается моей статьи, то я, как Вы видели из моих писем, мало питал надежды на ее помещение в В[естник] З[нания], переделка ее в коротенькую популярную заметку меня смущала. Теперь меня, конечно, тяготит высылка аванса за нее и я должен его вернуть, только не сейчас (теперь совершенно не в силах), а в последующем, м[ожет] б[ыть] частями. Спасибо Вам за хлопоты из-за нее и заботы о ней. <...> А рукопись мою я просил бы возвратить мне, если она не будет принята в Академии и потребует изменений по Вашему усмотрению» [99]. Жаль, что Маркевич постоянно в письмах к своим столичным друзьям настаивал на возвращении рукописей его статей, которые не были приняты к печати. Останься эти материалы в столицах, была бы гораздо большая степень вероятности их сохранности в личных архивных фондах академиков-крымоведов, либо редакций периодических изданий.

В этом же письме Арсений Иванович представляет для Платонова свое видение конфликта, развернувшегося между двумя крупными археологами — исследователями Крыма той эпохи: Н. И. Репниковым и Н. Л. Эрнстом.

Имя археолога Николая Ивановича Репникова хорошо известно исследователям Крыма. Вместе с тем, страницы его биографии, связанные с Крымом, остаются практически неразработанными [100]. Будущий ученый родился в Санкт-Петербурге 9.04.1882 в крестьянской семье. Его отец работал бурлаком на лесных сплавах Громовых, а мать вела хозяйство и занималась воспитанием сына. После окончания в 1901 г. коммерческого училища, в 1902 г. поступил в Археологический институт. С этого же времени началась его трудовая деятельность в качестве сотрудника Археологической комиссии. Уже в двадцатилетнем возрасте Репников начал самостоятельные полевые исследования в Тверской и Новгородской губерниях. В 1904 г., после успешного завершения курса в Археологическом институте (был выпущен со званием члена-сотрудника) он провел полевой сезон в Крыму, а после возвращения в столицу поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился до 1908 г. В это время происходит его становление как археолога-полевика. Особую роль в этом процессе сыграл надсмотрщик над археологическими работами Керченского музея древностей — С. П. Петренко, о котором Репников вспоминал: «<...> Семен Петрович вводил меня в самую сокровенную своих знаний и опыта, выработанного долгим и пристальным наблюдением, смею утверждать, — недоступного большинству наших археологов» [101]. Заболев в 1908 г. в Херсонесе малярией и крупозным воспалением легких, Репников остался жив лишь благодаря заботам С. П. Петренко, который «выносил его на руках как нянька». В 1910 г. началось сотрудничество Репникова с Этнографическим отделом Русского музея, где он являлся хранителем археологической коллекции музея, насчитывавшей к тому времени более пяти тысяч единиц хранения [102]. В этот период Николай Иванович развернул значительные археологические исследования в Старой Ладоге, занимался исследованием древнерусского искусства.

Раскопки Репникова в Крыму начались в 1903 г. и продолжались с некоторыми перерывами до самой смерти. В год смерти ученого (1940 г.) приходится его последняя экспедиционная поездка в Крым. Систематические разведки и раскопки Николая Ивановича охватили широкий круг памятников Крымского нагорья (от каменных ящиков (дольменов) первобытных эпох до остатков эпохи Крымского ханства). Основные его научные интересы тут были сосредоточены на памятниках раннего средневековья: Византийский Херсонес, готский могильник Суук-Су, Партенитская базилика VIII в., «пещерные города». С 1926 г. Репников проводил ежегодные раскопки в Эски-Кермене и изучал одновременные памятники Нагорья. Выявленный им обильный разнообразный материал, дал археологу возможность сделать предположения о социальном строе Крымской Готии, развитии Эски-Кермена и Мангупа [103].

Гораздо более разработан вклад в развитие археологических исследований в Крыму и организацию науки Николая Львовича Эрнста — немца по национальности [104]. После окончания гимназии в Глухове он продолжил учебу в Берлинском университете (окончил в 1911 г. со степенью доктора философии). В 1912 г., вернувшись в Российскую империю, он работал библиотекарем Научной библиотеки Университета св. Владимира (Киев). С апреля 1918 г. Н. Л. Эрнст жил в Петрограде. Он служил в Публичной библиотеке. Сначала – в читальном зале. Знание им «большей части европейских языков» предопределило его перевод в отделение «Россика» — зарубежных изданий о России — этой библиотеки. «В связи с распоряжением властей о выезде его на Украину как украинского гражданина» [105]. В сентябре 1918 г. Эрнст переехал в Симферополь, где поступил в Таврический университет заведующим библиотекой. Он также стал преподавать на кафедре российской истории этого вуза (впоследствии — Крымского университета (пединститута) им. тов. М. В. Фрунзе). Одновременно с преподаванием в вузе Эрнст поступил на работу в Центральный музей Тавриды, где проработал с 1921 по 1937 гг., сначала заведующим археологическим отделом, а затем — заместителем директора по научной работе. С 1918 г. Эрнст участвовал в археологических экспедициях и проводил самостоятельные раскопки. Одним из первых он сумел сделать важные выводы о палеолитических стоянках древних людей, обнаружил четвертичную стоянку, относящуюся к ледниковому периоду у дер. Чокурча [106].

Маркевич знал Эрнста, конечно, лучше, чем Репникова. Научные интересы двух археологов тогда столкнулись на Эски-Кермене. Каждый из них просил Академию наук о собственной экспедиции, чего Арсений Иванович не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются» [107]. При этом Маркевич охарактеризовал для Платонова Эрнста: «Н. Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе» [108]. При всей сложности, даже антагонизме, отношений Репникова и Эрнста Маркевич советовал Платонову использовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», — заключал он.

13.04.1929 Арсений Иванович сообщал в Ленинград о том, что собирается выслать для публикации статью о поэте, литературном критике Петре Андреевиче Вяземском (1792–1878), где рассматривался сюжет, связанный с пребыванием князя в Крыму. Одновременно Маркевич передал ходатайство сестры А. С. Лаппо-Данилевского — Натальи Сергеевны — о назначении ей академического пособия за умершего в 1919 г. брата, академика, члена Таврической ученой архивной комиссии [109]. Маркевич, не стесняясь, настойчиво напоминал Платонову об этом ходатайстве и в письмах от 19 и 30 апреля [110].

С. Ф. Платонов, по всей видимости, не случайно игнорировал просьбы Арсения Ивановича о продвижении ходатайства о назначении академического пособия Н. С. Лаппо-Данилевской. Дело в том, что само избрание Платонова академиком (1920 г.) состоялось только благодаря смерти влиятельного академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), который крайне отрицательно относился к его кандидатуре и всячески мешал Платонову. Шансы Платонова попасть в Академию наук при жизни Лаппо-Данилевского были равны нулю. Только неожиданная смерть последнего 7.02.1919 устранила главное препятствие на пути избрания Сергея Федоровича в Академию наук [111].

Из письма Маркевича Платонову от 23.05.1929 становится известным о хлопотах Сергея Федоровича по публикации статьи Маркевича о последних годах истории Крымского ханства в «Известиях» Академии наук [112].

В письме, высланном из Симферополя 14.05.1929, Арсений Иванович продолжал тему своей статьи о П. А. Вяземском: «Моя статейка о Вяземском оказалась, конечно, негодной, и я прошу Вас переслать ее мне обратно — или с Кошляковыми, которые собираются уже к нам, или с Б. Д. Грековым, который, как сказали мне его родственники, будет в Симферополе с семьей к началу <…> июня. — Что же касается статьи моей о Крымском ханстве, то был бы рад, даже счастлив, если бы она появилась в печати хоть в начале будущего года, предела моего существования на белом свете. <…> Выпросила у меня статейку и Украинская Академия, а сейчас оканчиваю статейку для № 3 (60) наш[их] “Известий”, которые начинаем печатать с риском обанкротиться и взлететь на воздух…» [113].

Речь идет о науковедческой публикации Маркевича «К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827–1927): Памяти Хрисанфа Петровича Ящуржинского» [114]. В этом же третьем номере «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», вышедшем в 1929 г., Арсений Иванович успел опубликовать и отвергнутый в Ленинграде материал о Вяземском [115]. Обстоятельный краеведческий очерк Маркевич отправил Агатангелу Ефимовичу Крымскому в Киев. Он был посвящен сюжетам культурно-бытовой жизни Тавриды в XIX веке и состоял из 9 частей, в которых рассматривался вклад отдельных деятелей в развитие культуры, благотворительности, науки полуострова. Статья увидела свет в 1930 г. [116].

Платонов постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене. Маркевич подробно информировал его о положении дел. Так, 24.05.1929 он сообщал в Ленинград: «Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н. И. Репникова с Н. Л. Эрнстом, я очень желал бы, чтобы они прекратились, и самолюбие и того, и другого лица было принесено в жертву науке. — Но отно-

шения между ними осложнялись, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили, как будто, желания помирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н. Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, — по-моему, Эрнст больше, но это все равно, — и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того и другого должно вызывать только сожаление». Из этого же письма становится известным, что «Бумаги пок[ойного] Бер[тье]-Дел[агарда] получены в Симферополе из Ялтинского исполкома в 1927 г.» [117].

В связи с рассматриваемыми событиями, связанными с раскопками на Эски-Кермене, интересно письмо Николая Львовича Эрнста на имя Владимира Ивановича Вернадского. Крымский краевед был приглашен Вернадским для участия в заседании АН СССР, где обсуждался вопрос дальнейших исследований Эски-Кермена. 21.03.1929 Эрнст писал в Москву: «Глубокоуважаемый Владимир Иванович! Мне переслали сюда в Киев Вашу телеграмму с сообщением о предстоящем 24-го марта заседании Академии наук об Эски-Кермене и с приглашением мне принять в нем участие. Спешу выразить Вам глубокую благодарность за Ваше внимание и очень сожалею, что не повидался с Вами в Ленинграде. Я знал, будучи в Ленинграде, об этом заседании, но не смотря на мою чрезвычайную личную заинтересованность в его теме, не остался для участия в нем; в Москве я присутствовал в конце февраля на таком же докладе Н. И. Репникова и также воздержался от всякого выступления на нем. Дело в том, что я занимался изучением Эски-Кермена вплотную давно, с 1921-го года, делал доклад о результатах этого изучения на Керченской Археологической Конференции в 1926 г., в Москве и в Ленинграде (в ГАИМК'е [Государственной академии истории материальной культуры]) в 1927 г., и написал большую работу об Эски-Кермене и проблеме пещерных городов в Крыму, с чертежами и фотографиями, предполагал в 1927 и 28 г. раскопки Эски-Кермена, как продолжение своего изучения надземных памятников этого городища. Однако в это же время Эски-Кермен пожелал изучать и раскапывать Н. И. Репников, причем оттеснил меня от этой работы при помощи способов и приемов, которые сделали для меня невозможной совместную с ним работу. Ввиду того, что подобные склоки в научной работе производят всегда крайне угнетающее впечатление и только вредят делу, в виду того, что я, живя в Симферополе, совершенно бессилен в отстаивании себя, а Н. И. Репников имеет гораздо большую возможность добывать ассигнования на раскопки, в виду того, наконец, что я вообще человек миролюбивый и всяких свар избегаю, — я отстранился от дальнейшей работы на Эски-Кермене. К сожалению, я сейчас не могу представить Вам свою

работу об Эски-Кермене, так как рукопись её лежит (уже почти два года) в Москве в ожидании напечатания. Я бы очень хотел принять в дальнейшем посильное участие в работе по исследованию Эски-Кермена <...>» [118].

О буднях и проблемах крымских историков красноречиво вещает следующее из сохранившихся писем Маркевича Платонову:

«Симферополь[,] Архивная 28[,] 9/VII–1929. Дорогой Сергей Федорович. Ждал я, ждал обещанного Вами "большого" письма и не дождался. Из этого вижу, что во-первых, Вы сейчас еще обременены работой и, во-вторых, не отменяете поездки в Крым в августе, когда нам можно будет лично поговорить о многом. Питаю надежду, что это состоится в Симферополе, и прошу, по возможности, заблаговременно предупредить о времени приезда. Есть у меня к Вам и другие две просьбы.

1. Вы писали, что статья моя, посланная для помещения в "Вестник Знания" "Последние годы Крымского ханства" принята для Известий Академии наук. Так как она представляет сокращение более крупной, то я просил бы Вас очень, Сергей Федорович, дать мне возможность внести в нее несколько маленьких дополнений. Конечно, это можно сделать и при корректуре статьи в гранках, но, быть может, удобнее было бы сделать до печатания и если Вы согласны с этим, то нельзя ли было бы выслать мне статью теперь для пересмотра и внесения дополнений дня на три — не больше. А м[ожет] б[ыть] привезете статью?

2. Вторая просьба щекотливого характера, по больному у меня вопросу о пенсии. Я получаю **академическую** пенсию, по званию сверхштатного профессора, 90 руб. в месяц. С октября прошлого года она "автоматически" должна была быть увеличенной на 15%, но до сих пор я этой прибавки не получаю. Вы, Сергей Федорович, часто бываете в Москве, и я очень прошу Вас в Главнауке закинуть словцо по этому поводу, когда Вы там будете. Меня кормят только обещаниями. Просил Гриневича. Ему сказали, что прибавка будет с 1 июля, а вот сегодня 9-ое, а ее нет. Не откажите исполнить эту просьбу, конечно, при возможности.

Был здесь киевский академик Крымский и связал меня с Украинской Академией. Я послал туда две статьи. Печатают уже, вот утешение» [119].

В письме крымский краевед вновь упоминает о статье «Последние годы Крымского ханства», высланной Платонову для помещения в «Вестник Знания» и переадресованную Сергеем Федоровичем в «Известия Академии наук СССР». Арсению Ивановичу хотелось внести в текст изменения (отдельные уточнения)... Увы, но этот материал так и не будет опубликован. Маркевич еще об этом не знал. Он верил в авторитет и силу академика Платонова. А между тем Сергей Федорович Платонов, еще сам того не подозревая, втягивался в мероприятие, организация которого вынудила его позже долго оправдываться перед следственными органами, — организацию советско-немецкой Эски-Керменской экс-

педиции. Этим объяснялось его повышенное внимание в переписке с Маркевичем к состоянию дел на Эски-Кермене и к основным участникам событий.

В июле 1929 г. Маркевич занимался организацией поездки Платонова в Крым. 19.07.1929 он сообщал академику, что, если тот откажется от ночевки в его доме и захочет поселиться в гостиницу, лучшими в Симферополе являются «Ленинградская» и «Дом крестьянина» [120]. Сергей Федорович планировал отдохнуть в Гаспре, а затем на Эски-Кермене встретиться с немецкими учеными Зауером и Финдейзеном. Готовясь к этой встрече, Платонов, при содействии Маркевича, внимательно ознакомился с результатами исследований Репникова на Эски-Кермене и даже опубликовал в «Вестнике знания» небольшое сообщение о ходе работ [121].

К середине 1929 г. противостояние Репникова и Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Николай Иванович Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка с искусствоведом, руководителем Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских Александром Ивановичем Анисимовым (1877–1937), отложившаяся в личном архивном фонде последнего в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи [122]. Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Репникова с заведующим Реставрационным подотделом Центральных государственных реставрационных мастерских Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871–1960), которая была опубликована на страницах «Исторического наследия Крыма» [123]. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные в различных архивах, свидетельствуют о желании Репникова замкнуть на себе изучение Эски-Кермена.

Интересный документ, связанный с этим вопросом, нам удалось обнаружить в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН. Это письмо Маркевича в Крымскую комиссию Государственной академии истории материальной культуры от 15 июля 1929 г. Приводим его текст полностью.

«Ознакомившись с протоколами (в копиях) заседаний Крымской Комиссии Академии Истории Материальной Культуры 28 марта и 9 мая этого года, я по званию своему председателя Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии, считаю обязанностью защитить доброе имя и нравственное достоинство его члена-секретаря Н. Л. Эрнста от тех обидных подозрений, которые были высказаны по его адресу некоторыми лицами в дискуссии по докладам товв. Репникова и Раудоникаса [В. И. Равдоникаса] в этих заседаниях

именно о том, что он использовал и выдал за свои чужие (пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда) научные материалы: рисунки, чертежи и т.п.

Имея с Н. Л. Эрнстом почти ежедневное общение в течение десяти лет, я знаю хорошо его как добросовестного научного работника и благородного человека, неспособного к плагиату ни в малейшей степени. Я хорошо знаю и то, с каким глубоким интересом занимается он древностями Крыма, между прочим, пещерными городами и, в частности, Эски Керменом, на изучение которого посвятил много труда в последние годы, и кабинетного, и полевого, на месте. Глубоко скорблю, что ему не привелось принять участие в раскопках Эски-Кермена.

Не могу не остановиться и на странном заявлении Н. И. Репникова в заседании Крымской Комиссии 9 мая о том, [что] будто бы, "**материалы** графа Уварова, относящиеся к пещерным городам Крыма, хранились в одном экземпляре в Архиве б[ывшей] Таврической Архивной Комиссии и принадлежали ранее Султану Крым Гирею Хану". Заявляю, что никогда ни малейших материалов Уварова в этой Комиссии не было и нет их в библиотеке ее преемника Таврич[еского] Общества Ист[ории], Арх[еологии] и Этн[ографии]. Были в ней и находятся в настоящее время только сочинения Уварова и хорошо известный Атлас к его "Исследованию о древностях Южной России", подаренный Тавр[ической] Уч[еной] Арх[ивной] Комиссии ее покойным членом Н. А. Султан-Крым Гиреем. Какое отношение имело заявление Н. И. Репникова к вопросу, о котором шла речь, не могу понять. Очевидно, имя Уварова понадобилось в такой же мере, в какой упоминалось и имя пок[ойного] А. Л. Бертье-Делагарда.

Председатель Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии *А. Маркевич*» [124].

Узнав от археолога, крымоведа Александра Андреевича Спицына (1858–1931) об открытии Репникова в 1928 г. на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, Платонов поделился этой информацией со своим другом Федором Александровичем Брауном, который до своей эмиграции в Германию активно разрабатывал крымоведческие сюжеты [125]. Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Заметим, что именно Платонов рекомендовал Ф. А. Брауна к избранию в члены-корреспонденты АН СССР [126]. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». Платонов поддержал эту идею и 11.04.1929 обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совнаркома СССР Е. В. Воронову [127]. Получив согласие чиновника, Платонов 24.04.1929 провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости проведения совместных археологических исследований в Крыму совместно

с германскими учеными [128]. Вот почему Платонов так пристально интересовался у Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Репникова и Эрнста. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 г., он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких ученых. Но обстоятельства распорядились иначе...

Отдохнув в Гаспре, Платонов (выехал из Ленинграда 31.07.1929) так и не дождался немецких археологов, которых он намеревался лично встретить в Симферополе и сопровождать на Эски-Кермен. В начале сентября он вынужден был вернуться в Ленинград. Причиной этому было не окончание срока отпуска, а начавшаяся в это время «чистка» Академии наук: работа Комиссии по проверке аппарата учреждений АН СССР, которую возглавлял член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, член Президиума Центральной комиссии ЦИК Ю. П. Фигатнер. Состав и программа работы Комиссии были определены постановлением Секретариата Ленинградского обкома ВКП(б) от 1.06.1929. Помимо председателя ведущую роль в работе Комиссии играл заместитель начальника Ленинградского ОГПУ товарищ Карпенко, который специализировался на борьбе с вредительством [129]. Проверка проводилась публично на общем собрании сотрудников. При этом основное внимание уделялось анкетным данным проверяемых: социальному происхождению, принадлежности в прошлом к буржуазным партиям. Комиссия начала работу 1 августа (заметим: на следующий день после отъезда Платонова в Крым!) и начала чистку с сотрудников аппарата АН, где сразу же был уволен ряд «социально чуждых элементов».

Находясь на отдыхе, Платонов был хорошо информирован о ходе проверки. Сведения он получал от ученого секретаря Археографической комиссии А. И. Андреева.

Арсений Иванович писал Платонову в Гаспру: «Симферополь, Архивная, 28, 19 авг[уста] 1929. Дорогой Сергей Федорович. Я бесконечно рад, что Вы довольны своей экскурсией в Симферополь и Эски-Кермен. Сожалею только о том, что Вы совершили ее так скоропалительно. Скорбит об этом и Анна Николаевна, которая задержалась дома по хозяйству и подошла к автомобильной конторе, чтобы проститься с Вами, сейчас же после Вашего отъезда. Надеемся, что в сентябре мы еще увидимся. Мое хорошее самочувствие во время Вашего отъезда оказалось только нервной вспышкой, которая сменилась потом сильной усталостью, потребовавшей даже обращения к йоду, nux bomica и валериане, употреблением которых я разнообразю со вчерашнего дня свой обычный режим. Зато, побывав на Эски-Кермене и увидев остатки его стен, откопанные в прошлом году Ник[олаем] Ив[авновичем], я в высшей степени удовлетворен тем, что видел — и всегда буду глубоко признателен Вам за то, что Вы взяли ме-

ня с собой в эту поездку. Второй раз я не смогу попасть с Вами на Эски и разве с подножия его буду наблюдать Ваше восхождение на его вершину, конечно, не тем путем, каким нам пришлось идти из Черкес-Кермена, а обходной тропинкой, ходьба по которой не представляет особых трудностей, что я испытал **три** раза.

Прилагаю при сем и заявление в Академию. Если написано оно плохо, скажите что и как изменить. Отсюда ходатайство пойдет на днях, говорят, но я уверен, что оно будет иметь совершенно казенный, сухой характер. Да много, что было сделано мною, не имеет вовсе цены в глазах нынешних людей, даже состоящих при науке. Если Вы, Сергей Федорович, присоедините к моему заявлению свое словцо и замолвите обо мне в Москве ходатайство, оно будет иметь успех. Ведь мне осталось существовать на белом свете очень недолго, и значит, я не обременю слишком расходами казны на мою особу, как и в прошлом никогда этого не было. Я не умел "просить" о себе. Но довольно об этом.

Гриневич зовет в Херсонес, но не поеду туда, так как он сам теперь там гость, а не хозяин. Раскопки его на Гераклейском полуострове очень интересны, но я довольно хорошо ознакомился с ними в прошлом году. Какие удивительные места с памятниками глубокой древности оставлялись без внимания б[ывшей] Археологической Комиссии. Правда, у нас было мало средств, но была полная возможность знать и беречь их, а этого не было. Но не пристало мне говорить об этом.

Надеюсь, что Вы из Гаспры еще черкнете мне. Думаю, что немцев можно вполне заинтересовать раскопками на Эски-Кермене, а Мангуп всегда сам за себя постоит, даже в нынешнем состоянии.

Я занят теперь, как говорил Вам, татарщиной – русскотатарской школой. В перспективе другая большая работа. Прошу передать мой поклон Вашей <*нрзб*>. Анна Николаевна тепло приветствует Вас, а я горячо, как могу, обнимаю Вас.

Ваш *А. Маркевич*» [130].

В письме, отправленном в Гаспру 29.08.1929, зная о его скором отъезде в Ленинград, Арсений Иванович вновь обратил его внимание на «нищенское» состояние его пенсии и просил похлопотать о ее увеличении [131].

Уезжая из Крыма, Платонов перепоручил все организационные заботы о немецких археологах Зауере и Финдейзене, которые должны были определить объемы предстоящих исследований советско-германской археологической экспедиции, Маркевичу.

9.09.1929 Маркевич писал в Ленинград о том, как проходила подготовка к встрече немцев, их прибытии и времяпрепровождении [132]. 13.09.1929 он сообщал в Ленинград об исследованиях на Эски-Кермене Зауера: «Я принял все ста-

рания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году» [133].

Уже 23.09.1929 он подытоживал: «Самое важное — немцы в высшей степени довольны всем виденным в Крыму, в частности в Э[ски]-К[ермене], и проблема крупных раскопок в будущем году упрочилась» [134].

23.09.1929 Арсений Иванович взывал к Платонову: «А вот я узнал, что в увеличении моей пенсии до профессорской ставки получен отказ по формальным причинам. <…> Неужели ничего не значит 53-летняя напряженная научная и педагогическая работа, и неужели нельзя было увеличить мою пенсию?» [135]. Сообщая нюансы визита немецких археологов на Эски-Кермен, Маркевич заметил, что «Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Он добавил: «Это было нелегко». При этом рассказал о своей роли в увещевании обоих не выносить конфликт на суд иностранцев «ради достоинства науки» [136].

В письме от 11.10.1929 Арсений Иванович вновь настойчиво ищет участия Платонова в решении его пенсионной проблемы — получения академической надбавки [137]. Одновременно глава крымских краеведов собирался приехать поработать в Ленинград: «И прежде всего очень прошу Вас сообщить <…> [про] архив Артиллерийского Музея. Дело в том, что в один из приездов моих в Петербург я был в этом музее, и начальник его пок[ойный] Струков сказал мне, что в архиве музея имеется ряд дел, относящихся к походу в Крыму Миниха и еще никем не обследованных в научном отношении. Он сам хотел заняться этими делами, но сделал ли что-нибудь — не знаю. Конечно, я очень хотел бы заняться этими делами, если бы попал в Ленинград. Другой вопрос, который меня интересует, — рассмотрение писем Хр[истиана] Стевена к П. Кеппену, особенно за время Крымской войны, в библиотеке Академии наук. Третий интерес — пересмотр Таврических Губернских Ведомостей и других изданий в Публичной библиотеке за старые годы, равно более поздних изданий, которых у меня здесь не было в руках. Как видите, я употребил бы время в Ленинграде на научную работу» [138].

Находясь в Ленинграде, Маркевич планировал отказаться от своей должности в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии: «Я решил оставить должность Председателя Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии. Тяжело уже вести старую линию, а на новую не могу и не хочу переходить. Отказываться лично, здесь [в Симферополе] — было бы для меня тяжело, да могут быть и неуместные просьбы, демонстрации и т. д., которые только бы волновали меня и подливали масла в огонь» [139].

Насколько искренним было это желание, неизвестно. По крайней мере, находясь в 1929 г. в Ленинграде, Маркевич не подал заявления об отставке с по-

ста председателя Общества. По иному о своем уходе с должности председателя ТОИАиЭ Арсений Иванович сообщал Сергею Александровичу Жебелёву 25.04.1930: «<…> Уведомляю Вас, что с 19-го числа я уже не Председатель нашего Общества Истории, Археологии и Этнографии. События шли быстро, положение мое выяснялось, отношение ко мне «общественности» (в смысле правящих органов и элементов) определилось, и я **не мог** продолжать борьбы, должен был уступить и уйти. Не скрою, что мне нелегко было сделать этот шаг. Я остался единственным из учредителей б[ывшей] Таврической Уч[еной] Арх[ивной] Ком[иссии], много лет мне пришлось самоотверженно работать. <…> Я остался на посту и во время революции и не прерывал работы ни на один день, на своих плечах вынес преобразование Комиссии в Общество Истории и Древностей [археологии и этнографии] и старался поставить его возможно лучше при самых скудных средствах и при крайнем оскудении персонального материала… Но моя работа, моя идеология не нравилась, вражду по отношению ко мне перенесли на ненависть к Обществу, и тут уже мое положение стало невыносимым. Я долго не сдавался, понимая, что с моим оставлением председательства будет нанесен удар по Обществу, я надеялся на решительную поддержку лиц, казавшихся моими единомышленниками, но ее не оказалось, заявления сочувствия <…> не имели должной силы, — и бороться стало невозможно. Правда, правит[ельственные] элементы оказали мне <*нрзб*>. Мне предложено было принять звание почетного председателя Общества, но это было… подсахариванием горькой пилюли. Я принял только звание почетного члена Правления Общества. (Конечно, чтобы не бросать участия в делах Общества и направлять его научную работу.) В виду своей старости я очень часто думал о возможности уже в недалеком будущем отойти от Общества (и прежде всего вместе с жизнью), но думал, что моим преемником будет солидный, видный в ученом мире человек, — но и этого не случилось — Председателем Общества по решительному заявлении желания правящих кругов, избран Н. Л. Эрнст. Вы его знаете, он был хорошим секретарем Общества, но хватит ли у него такта, способности, старания и авторитета, чтобы расположить к себе ученые круги, не могу сказать определенно <…>» [140]. Однако Сергею Федоровичу Платонову в это время было не до разборок в ТОИАиЭ.

Гром над ленинградским академиком прогремел в октябре 1929 г., когда сразу в нескольких учреждениях Академии наук (Библиотеке АН, Археографической комиссии и Пушкинском доме) были обнаружены не подлежащие там хранению важные с общественно-политической точки зрения архивные документы. Это дало основание обвинить руководство Академии наук и, прежде всего академика-секретаря Отделения гуманитарных наук Академии Сергея Федоровича Платонова, в сознательном «припрятывании архивных материа-

лов от Советской власти и их "сбережения" для ожидаемого ими монархического хозяина России» [141].

6.11.1929, в канун годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, «Правда» и ленинградская «Красная газета» сообщали, что «В Академии наук были спрятаны важные политические документы» [142]. Среди документов, обнаруженных в рукописном отделе Библиотеки Академии наук были материалы Департамента полиции, Корпуса жандармов, контрразведки. Еще более интересные документы были выявлены в Пушкинском доме: переписка Николая II с петербургским генерал-губернатором Д. Ф. Треповым по поводу событий 9 января 1905 г., архив московского губернатора, а впоследствии — шефа жандармов В. Ф. Джунковского и др. В Археографической комиссии оказался архивы ЦК партии конституционных демократов, ЦК партии социалистов-революционеров и другие интересные бумаги. «Некоторые из этих документов, — писала «Красная газета», — имеют настолько актуальное значение, что могли бы в руках Советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции как внутри страны, так и за границей» [143].

Для разбора этого инцидента была образована специальная правительственная комиссия. С. Ф. Платонов свою вину в непередаче документов в государственный архив не признавал. Вот тут ему припомнили и идею советско-германской археологической экспедиции... Как назло, Маркевич, которому Платонов поручил вести все финансовые дела, связанные с приемом немцев, медлил с отчетом об истраченных суммах. В ответ на запрос из Ленинграда Маркевич отвечал 10.11.1929: «Денежный отчет на 300 руб[лей] и 14 руб[лей] остаток я послал в Академию недели три тому назад. Неужели не получен? Будьте добры, справьтесь в академической канцелярии и бухгалтерии и черкните. Будет крайне досадно, если мой пакет с отчетом и сопроводительными документами пропал» [144]. Подробно о финансовых операциях Маркевич докладывал Платонову 20.11.1929 [145]. Понятно, что уличить высокоморальных Маркевича и Платонова в присвоении государственных средств в итоге не удалось, но ленинградский историк так и не смог оправиться от удара, связанного с так называемым «Академическим делом».

В 1929–1931 гг. по прямому указанию Политбюро ЦК ВКП(б) Полномочным Представительством Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) в Ленинградском военном округе был сфабрикован политический процесс, жертвами которого стала большая группа известных советских ученых. Среди них было четыре академика: Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, а также пять членов-корреспондентов АН СССР. Он вошел в историю как «Академическое дело». Ученым предъявлялись обвинения в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз

борьбы за возрождение свободной России», целью которой якобы было свержение Советской власти и восстановление монархии [146]. Аресты начались в октябре 1929 г. Первой группе — 29 человек — была отведена «руководящая роль в создании и практической деятельности организации» [147].

С. Ф. Платонов был арестован в ночь с 12 на 13 января 1930 г. Его показания по «Академическому делу» предопределили печальную судьбу многих историков, в том числе и крымских археологов [148]. Приведем выдержки из следственного дела, касающиеся нашего сюжета. Показания Платонова 14.03.1930: «Касаясь моих связей с учеными, близко мне знакомыми, проживающими в др[угих] городах, должен указать на следующих лиц: Богословский (умер), Любавский, Готье, Егоров, Яковлев, также Рязанов, отчасти Полосин и Ульянов в Москве, Бузескул в Харькове, Маркевич в Крыму. С остальными учеными у меня случайные связи, гл[авным] обр[азом] основанные на общности специальных научных интересов. Я имею ввиду историков» [149].

Когда Платонову 22.11.1930 предъявили список из 80 ученых с требованием указать на их роль в организации и подрывной работе «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», там была указана и фамилия Маркевича. Платонов показал следующее: «Маркевич А. И. — категорически заявляю, что в “Союзе” не был. Политикой не занимался. Очень пожилой человек (лет 75–80), ученый. Живет в Симферополе» [150].

Зная о печальной участи, постигшей Платонова, Маркевич писал на его домашний адрес в Ленинград 4.03.1930 в надежде, что письмо передадут Сергею Федоровичу: «Все это время мои мысли обращены были к Вам, хотелось сказать Вам что-либо утешительное, подкрепить Вас, успокоить. Не оставляло меня ни на одну минутку и надежда на то, что правда выяснится и восторжествует над кривдой и ложью. И больно было, что время шло, а дело тянулось, правильнее — затягивалось. Утешали только слухи, что Вы здоровы и бодры. Твердо надеюсь, что весь этот ужас кончится скоро, и что, в конце концов, Ваши честь и достоинство, как человека и ученого окажутся не запятнанными.

Хотелось бы окончить письмо чем-то веселым и радостным, — но ничего нет на душе светлого» [151].

Разгром историко-культурного краеведения на рубеже 1920–1930-х гг. не случайно мотивировали взаимосвязями виднейших местных подвижников краеведения с «делом» Платонова. Эти репрессии нанесли невосполнимый урон отечественному краеведению. Именно тогда из среды краеведов были удалены именно наиболее просвещенные, наиболее «яркие» специалисты, была прекращена в связи с этим подготовка серьезных изданий справочно-энциклопедического типа. Прокатившиеся по всей стране, в том числе и в Крыму, повальные аресты способствовали цели достижения «единомыслия» в среде научной ин-

теллигенции, а правильнее сказать – послушания, отказа от собственного мнения и собственных взглядов.

...После более чем полуторагодичного содержания в тюрьме, по приговору коллегии ОГПУ, 8.08.1931 Платонов был выслан в Самару. Умер в ссылке 10.01.1933.

1. *Шохин Л. И.* С. Д. Шереметев – историк в дневниковых записях // Археографический ежегодник за 1994 г. — М., 1996. — С. 211.

2. *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка: Академик С. Ф. Платонов и его «дело». — СПб, 2005. — С. 57.

3. *Смирнова Т. Г.* С. Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы // Деятели русской науки XIX — XX веков. — СПб, 2000. — Вып. 2. — С. 203–213; *Чернобаев А. А.* Историки России XX века: Биобиблиографический словарь: В 2-х т. — Саратов, 2005. — Т. 2. — С. 191.

4. *[Редин Е. К.]* Значение деятельности Археологических съездов для науки русской археологии: К XII-му Археологическому съезду в Харькове. — Харьков, 1901. — С. 7–8. — Изд. под псевд.: *Е. Р.*

5. *Непомнящий А. А.* Крымоведческие исследования на всероссийских Археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2002. — Вып. 9. — С. 579–590.

6. *Непомнящий А. А.* Из истории подготовки «Археологической карты Крыма»: По данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Зб. наук. пр. / ІПСМ АМУ. — К., 2006. — Вип. 3, ч. 2. — С. 127–142.

7. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 1.

8. Книжные новости // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). — 1894. — № 7, отд. 2. — С. 204–205.

9. См. подробнее об указателе «TAURICA» Маркевича: *Непомнящий А. А.* Универсальный указатель опубликованных и архивных крымоведческих документов // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: Міжвідомч. зб. наук. пр. — К., 2002. — Вип. 5. — С. 243–249.

10. Книжные новости // ЖМНП. — 1894. — № 7, отд. 2. — С. 205.

11. Об этой стороне деятельности Маркевича см. подробнее: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. — Симферополь, 2005. — С. 29–74.

12. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 3.

13. Исследование Маркевича «Тавричсекая губерния во время Крымской войны: По архивным материалам» было дважды переиздано в последние годы: в 1994 г. в Симферополе и в 2004 г. в Киеве, что подчеркивает ее неординарное место в историографии. См.: *Непомнящий А. А.* Патріарх кримознавства // *Маркевич А. І.* Таврійська губернія під час Кримської війни. — К., 2004. — С. 3–18.

14. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 9-10.

15. См. подробнее: *Непомнящий А. А.* З історії кримського краєзнавства в 30-ті роки XX століття: За неопублікованим листуванням А. І. Маркевича // Краєзнавство. — К., 2005. — № 1/4. — С. 160–171.

16. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 12.

17. Там же, л. 12–12 об.

18. Там же, л. 13–13 об.

19. Там же, л. 19. См. об Н. С. Кошлякове: Профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, 1918–2000 / Редкол.: Н. В. Багров и др. — К., 2000. — С. 61.

20. ГААРК, ф. 49, оп. 1, д. 5469, л. 24.

21. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 21.

22. Там же, л. 25–26.

23. Платонов С. Ф. Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). — Симферополь, 1918. — № 54. — С. 182–186.

24. О содержании выпусков «Известий Таврической ученой архивной комиссии» см.: Вісті Таврійської вченої архівної комісії і Таврійського товариства історії, археології та етнографії (1887–1931): Бібліогр. покажчик / Укл. Л. В. Шаріпова; Ін-т укр. археогр. НАН України. — К., 1994.

25. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками / Сост. В. Г. Бухерт: В 2-х т. — М., 2003. — Т. 1: Письма С. Ф. Платонова, 1883–1930. — С. 359.

26. Вернадский Г. В. Памяти С. Ф. Платонова // Таврический голос. — Симферополь, 1919. — 26 окт. (7 нояб.).

27. РНБ ОР, ф. 615, оп. 1, д. 770, л. 8.

28. Там же, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 30 об.-31.

29. ГААРК, ф. 538, оп. 1, д. 83, л. 17-18.

30. Там же, л. 14–14 об.

31. Там же, л. 25.

32. Там же, л. 28. О значении и составе коллекций А. Л. Бертье-Делагарда см.: *Непомнящий А. А.* Архивные документы свидетельствуют... // Мир библиографии. — М., 2006. — № 4. — С. 71–75.

33. ГИМ РФ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 62 об.

34. *Вернадский В.* О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. — 1921. — № 4. — С. 8.

35. КРКМ, кп. 23038, д. 8753; ГААРК, ф. 538, оп. 1, д. 83, л. 29.

36. *Непомнящий А. А.* Исследователь истории Крыма: Новые материалы к биографии А. И. Маркевича // Библиография. — М., 2005. — № 5. — С. 36–43.

37. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 32, 32 об., 33.

38. Там же, л. 36.

39. Там же, л. 38.

40. Там же, л. 38 об.

41. *Смирнова Т. Г.* С. Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы...

42. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 41.

43. Протокол I заседания Общего собрания АН СССР 15 января 1927 г.: Приложение. — [Москва, 1927]. — С. 88-89.

44. ПФАРАН, ф. 1, оп. 1А, д. 176, л. 44 об.-46 об.

45. Платонов С. Ф., Крачковский И. Ю. Записка об ученых трудах проф. А. И. Маркевича // Из-

вестия Академии наук СССР. — Л., 1927. — № 18. — С. 1499–1503.

46. Архивные источники ставят под сомнение эту дату. С полной определенностью можно говорить, что музей существовал уже в 1817–1818 гг., когда в документах упоминается «собрание древностей» в доме Поля Дюбрюкса. См. об этом: *Непомнящий А. А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века): Биобиблиогр. исслед. — Симферополь, 2000. — С. 80; *Непомнящий А. А.* Один из основателей Керченского музея древностей: Поль Дюбрюкс // 175 лет Керченскому музею древностей: М-лы междунар. конф. — Керчь, 2001. — С. 8–10; *Непомнящий А. А.* Противостояние столичного и провинциального антиковедения в России (первая половина XIX в.) // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX — начало XXI в.). — Омск, 2003. — С. 16–18.

47. ГИМ РФ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 108.

48. Ялтинский государственный историко-литературный музей, фонды, кп. 39596, д. 5058, л. 1.

49. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 45–45 об.

50. ГААРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418, л. 1.

51. Там же, д. 25, л. 7–7 об., 40 об.–41.

52. Там же, л. 45.

53. Цит. по: *Андросов С. А.* О роли А. И. Маркевича в создании и становлении КрымЦентрархива (1919–1926) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. — Симферополь, 2000. — № 15. — С. 79.

54. ГААРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418, л. 7.

55. Там же, ф. Р-2, оп. 3, д. 44, л. 4.

56. Там же, ф. Р-415, оп. 1, д. 418, л. 10–10 об.

57. Там же, л. 11.

58. *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич — сотрудник КрымЦентрархива // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2005. — Вып. 11. — С. 544–551.

59. См. текст постановления: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич... — С. 147–148.

60. ГААРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418, л. 8.

61. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 46.

62. 70-летие со дня рождения А. И. Маркевича отмечалось в 1925 году.

63. *Платонов С. Ф.* Из воспоминаний // ИТОИАиЭ. — Симферополь, 1927. — Т. 1 (58). — С. 132.

64. *Платонов С. Ф.* [Речь на торжественном заседании II Конференции археологов СССР в Херсонесе 10 сентября 1927 г.] // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года: По случаю столетия херсонесских раскопок / Херсонесский музей. — Севастополь, 1927. — С. 11–15.

65. См. публикацию этого труда: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич... — С. 267–316.

66. *Маркевич А. И.* Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Сер. 7: Отд. гуманит. наук. — Л., 1928. — № 4/7. — С. 375–405; 1929. — № 1. — С. 1–16.

67. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 52, 52 об.

68. *Маркевич А. И.* Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Східний світ. — К., 2003. — № 1. — С. 165–183.

69. *Таксер А.* Апологетика колонизаторской политики царизма в Крыму: По поводу работы А. И. Маркевича «Переселения крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму» // Новый Восток. — М., 1930. — № 28. — С. 239.

70. Там же. — С. 232.

71. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3485, л. 55–55 об.

72. ГИМ РФ ОПИ, ф. 442, оп. 1, д. 64, л. 1–2.

73. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 1 об., 2.

74. Там же, л. 3.

75. Там же, л. 5.

76. Там же, д. 2378, л. 5 об.

77. Там же, д. 3486, л. 6.

78. Там же, л. 7.

79. Там же, л. 8 об.–9 об.

80. ГАРФ, ф. А-298, оп. 1, д. 22, л. 91.

81. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 10.

82. ПФАРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343, л. 9–9 об.

83. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 11.

84. *Жебелёв С. А.* Яков Иванович Смирнов // Seminarium Kondakovianum = Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н. П. Кондакова. — Прага, 1928. — Вып. 2. — С. 1–18.

85. *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. — СПб, 2000. — С. 116–161.

86. См. их републикацию: *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич... — С. 316–326.

87. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 12.

88. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 733, л. 6.

89. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 3–3 об.–4.

90. Там же, л. 15–15 об.

91. Там же, л. 16–17.

92. Там же, л. 18–19.

93. Там же, л. 21.

94. *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историогр. очерки. — М., 2004. — С. 208–209.

95. *Лунин Б.* Смолин Виктор Федорович // Советское краеведение на Северном Кавказе: Сб. краеведческих м-лов: В 2-х ч. — Ростов-на-Дону, 1933. — Ч. 2. — С. 69–70.

96. *Урсу Д. П.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). — Симферополь, 1999. — С. 37.

97. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 23.

98. Там же, л. 25 об.

99. Там же, л. 27 об.

100. См. о Н. И. Репникове: *Бернштам А. Н., Бибиков С. Н.* Н. И. Репников (1882–1940) // Крат-

кие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. — М.; Л., 1941. — Вып. 9. — С. 121–123; *Равдоникас В. И.* Памяти Н. И. Репникова // Старая Ладога: М-лы археол. экспедиций / Гос. музей этнографии. — Л., 1948. — С. 6–10.

101. ИИМК РАН РА, ф. 10, оп. 1, д. 25, л. 2.

102. *Королькова Л. В.* Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. — СПб, 2004. — С. 188–119.

103. *Бернштам А. Н., Бибиков С. Н.* Н. И. Репников...; *Равдоникас В. И.* Памяти Н. И. Репникова...

104. См. о Н. Л. Эрнсте: *Бібіков С. М.* Микола Львович Ернст: До 75-річчя з дня народження // Археологія. — К., 1964. — Т. 16. — С. 232–233; *Кряжева-Карцева Е. А.* Эрнст Николай Львович // Историки России XX века: Биобиблиогр. словарь / Авт.-сост. А. А. Чернобаев: В 2-х т. — Саратов, 2005. — Т. 2. — С. 570.

105. Архив РНБ, № 10/1.

106. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 65, л. 67; д. 165, л. 224, 225, 225 об.; ф. Р-3283, оп. 1, д. 17, л. 1–7; ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 794, л. 80-85.

107. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 28.

108. Там же, л. 29.

109. Там же, л. 30–31.

110. Там же, л. 32, 35–36.

111. *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка... — С. 251.

112. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3486, л. 33–34.

113. Там же, д. 3487, л. 1–2.

114. *Маркевич А. И.* К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827–1927): Памяти Хрисанфа Петровича Ящуржинского // ИТОИАиЭ. — Симферополь, 1930. — № 3 (60). — С. 4–14.

115. *Маркевич А. И.* П. А. Вяземский и Крым: К 50-летию со дня смерти // ИТОИАиЭ. — Симферополь, 1930. — № 3 (60). — С. 113–115.

116. *Маркевич А. І.* З культурної минувщини Криму XIX в.: Короткі нариси // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — К., 1930. — № 89: Філологічна катедра під керуванням А. Ю. Кримського, Тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, I–IX. — С. 107–158.

117. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 3–4.

118. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1909, л. 1–1 об.

119. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 6.

120. Там же, л. 7.

121. *Платонов С. Ф.* [Об археологических исследованиях Н. И. Репникова в Крыму: Предисловие к статье В. И. Равдоникаса] // Вестник знания. — Л., 1929. — № 7. — С. 290.

122. ГТГ ОР, ф. 68, оп. 1, д. 322, л. 1, д. 323, л. 1–2; д. 324, л. 1–3.

123. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: Письма Н. И. Репникова к И. Э. Грабарю / Подг., предисл., комм. Е. А. Теркель // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2006. — № 14. — С. 212–223.

124. ИИМК РАН РА, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 58–58 об.

125. *Непомнящий А. А.* История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII — начало XX века). — Симферополь, 2001. — С. 118, 666.

126. *Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С.* Записка об ученых трудах проф. Ф. А. Брауна // Известия Академии наук СССР. 6 сер. — Л., 1927. — № 18. — С. 1517–1520.

127. ПФАРАН, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 28, л. 66.

128. Там же, ф. 1, оп. 1 (1929 г.), д. 251, л. 15 об.

129. См. подробнее: *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка... — С. 307.

130. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 9–10 об.

131. Там же, л. 11–12.

132. Там же, л. 13–14.

133. Там же, л. 17.

134. Там же, л. 18.

135. Там же, л. 21.

136. Там же, л. 21 об.

137. Там же, л. 24.

138. Там же, л. 24–24 об.

139. Там же, л. 25.

140. ПФАРАН, ф. 729, оп. 2, д. 80, л. 7–8.

141. *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка... — С. 284.

142. Там же. — С. 309.

143. Цит. по: *Брачев В. С.* Крестный путь русского историка... — С. 310.

144. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 28–29.

145. Там же, л. 32–33.

146. Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Б-ка РАН; Подг. В. П. Захаров, М. П. Лепехин, Э. А. Фомина. — СПб, 1993. — С. I–VII.

147. Там же.

148. *Формозов А. А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. — М., 1998. — № 3. — С. 193.

149. Академическое дело... — С. 55.

150. Там же. — С. 182.

151. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 3487, л. 36–37 об.